ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 88 (2471) Среда, 3 ноября 1948 г. Цена 40 коп.

Партия зовет к новым победам!

Среди славных традиций, сложившихся в нашей стране, вошедших в плоть и кровь советских людей, особенно почетное место занимают призывы, с которыми обращается к народу Центральный Комитет ВКП(б) накануне крупнейших революционных праздников. В каждой строке призывов партии бьется пульс нашей многообразной живой жизни, за каждым их словом видны героические подвиги беззаветных тружеников советской Родины. Центральный Комитет партии Ленина—Сталина в своих призывах выразительно и сжато дает направление работе всех советских людей, определяет задачи, которые должны быть решены внутри страны и в международной политике.

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла новую эру в истории человечества. Рабочий класс и трудовое крестьянство России под руководством партии большевиков разорвали цепь международного империализма и создали на одной шестой части земного шара первое в мире социалистическое государство.

И сегодня, готовясь отпраздновать 31-ю годовщину этого всемирно-исторического события, подводя волнующие итоги успехам, достигнутым нашей страной, партия и советские люди шлют братский привет всем народам, борющимся за победу демократии и социализма, призывают их к дружбе и сотрудничеству в борьбе против фашизма — за победу народной демократии.

В опубликованной на-днях беседе с корреспондентом «Правды» товарищ И. В. Сталин указал, что «политика нынешних руководителей США и Англии есть политика агрессии, политика развязывания новой войны». Но, сказал далее товарищ И. В. Сталин, — «слишком живы в памяти народов ужасы недавней войны и слишком велики общественные силы, стоящие за мир, чтобы ученики Черчилля по агрессии могли их одолеть и повернуть в сторону новой войны».

Центральный Комитет ВКП(б) обращается к трудящимся всех стран с пламенным призывом: «Разоблачайте агрессивные замыслы поджигателей новой войны! Сплачивайте силы демократии в борьбе за прочный мир и безопасность народов!»

Тридцать один год существует великое советское социалистическое государство, тридцать один год оно служит надежным оплотом мира и безопасности, свободы и независимости народов. Всенародную благодарность, честь и славу заслужили Вооруженные Силы Советского Союза, отстоявшие завоевания Великой Октябрьской социалистической революции и независимость народов нашей Родины.

Под охраной своей армии и ее аванпоста — отважных пограничников, зорко оберегающих рубежи нашей Родины, рабочие, крестьяне, интеллигенция Советского Союза одерживают одну победу за другой в борьбе за восстановление и развитие народного хозяйства, за дальнейший под'ем материального благосостояния и культуры народов нашей страны.

В интересах обеспечения мира и безопасности партия требует: «Советские воины! Неустанно повышайте свои военные и политические знания, осваивайте опыт Великой Отечественной войны, совершенствуйте свое боевое мастерство, крепите мощь вооруженных сил Советского государства!»

Партия славит рабочих и работниц, инженеров и техников передовых предприятий, досрочно выполнивших план третьего, решающего года новой пятилетки. Партия призывает трудящихся Советского Союза бороться за строжайшую экономию и сверхплановые накопления во всех отраслях народного хозяйства, снижать себестоимость и улучшать качество продукции, повышать производительность труда.

Рабочие и работницы, инженеры и техники всех отраслей нашей промышленности с глубоким волнением откликаются на обращенные к ним призывы Центрального Комитета ВКП(б). Они строят и развивают, подымают на невиданную в истории человечества высоту советскую индустрию — материальную основу коммунистического общества.

Партия славит колхозников и колхозниц, рабочих МТС и совхозов, с честью выполнивших свои обязательства перед государством. Партия призывает работников сельского хозяйства добиваться получения высоких урожаев на всей площади колхозов и совхозов, по-мичурински повышать культуру социалистического земледелия, развивать и укреплять общественное животноводство, увеличивать рост поголовья скота при одновременном повышении его продуктивности.

С особенной силой звучит призыв Центрального Комитета ВКП(б) к труженикам социалистического земледелия активно включаться в борьбу за претворение в жизнь в степных и лесостепных районах СССР государственного плана полезащитных насаждений, внедрения травопольных севооборотов, строительства прудов и водоемов. Этот мудрый, дальновидный план, разработанный партией и правительством, призван преобразить лицо огромной части нашей страны, почти равной по территории всей Европе. Этот план, который обеспечит нам высокие и устойчивые урожаи, мог родиться только в Советском Союзе, в стране, где господствует социалистический общественный и государственный строй, где наука, человеческий разум и гигантские материальные ресурсы целиком и полностью поставлены на службу народу, подчинены его интересам.

Теснейшая связь науки с техникой, ученых с народом — важнейшее условие нашего успешного продвижения вперед. «Работники советской науки! Обогащайте науку и технику нашей страны новыми исследованиями, изобретениями и открытиями! Внедряйте достижения науки в производство, двигайте вперед технику!»

Немало хороших книг, пьес, кинокартин, произведений живописи, скульптуры, музыки создано для народа в нашей стране. Но культурные и идейные запросы советских людей растут из года в год, изо дня в день.

Богатую литературу породил героизм советского народа в годы Великой Отечественной войны. Но к концу идет третий год послевоенной сталинской пятилетки, пятилетки изумительного творческого созидания, а еще очень мало романов, повестей и стихов, ярко рисующих образ славных тружеников восстановления и дальнейшего развития народного хозяйства страны.

С сознанием величайшей ответственности перед партией и народом восприняли советские писатели, художники, актеры, режиссеры обращенный к ним призыв Центрального Комитета ВКП(б). «Работники литературы, искусства, кинематографии! Повышайте уровень своего мастерства! Создавайте новые высокоидейные художественные произведения, достойные великого советского народа!»

Задача воспитания наших людей лежит также на плечах учителей и учительниц, работников народного образования. Они призваны вооружать учащихся достижениями науки, воспитывать молодежь в духе советского патриотизма, готовить культурных, образованных граждан социалистического общества, активных борцов за коммунизм.

Беззаветно трудятся советские люди. И везде и всегда их движет вперед, направляет и воодушевляет социалистическое соревнование — могучий рычаг, способный преодолеть любую трудность, взять любую крепость. Партия призывает шире развертывать социалистическое соревнование за выполнение пятилетки в четыре года, распространять опыт новаторов производства.

Партия призывает коммунистов и комсомольцев быть в первых рядах борцов за выполнение пятилетки в четыре года, за новый мощный под'ем хозяйства и культуры, за дальнейшее укрепление могущества Советского государства.

Партия, коммунисты — руководящая и движущая сила нашей жизни. Партия, коммунисты создали непоколебимую твердыню дружбы и славы народов нашей страны. Партия Ленина—Сталина, великая партия большевиков,—закаленный в боях авангард советского народа, вдохновитель и организатор наших побед.

На веки вечные в память и в сердца народов всех стран мира войдет наша партия, созданная и выпестованная гениями мировой истории В. И. Лениным и И. В. Сталиным.

Под знаменем Ленина и Сталина социалистическая революция победила в октябре 1917 года. Под знаменем Ленина, под водительством Сталина мы построили могучее социалистическое государство — гордость трудящихся всех стран.

Под знаменем Ленина, под водительством Сталина, вперед к победе коммунизма!

СТАЛИНУ—ОТЦУ

Николай ГРИБАЧЕВ

Идет за годом год, равняя строй державный.
Опять стоит ноябрь, и ранний сумрак мглист,
и в бурую траву, свистя осколком ржавым,
перекален в заре, летит осенний лист;
остывшая земля сломала радуг арки,
скатился к югу гром по пожням и стерням,
и молнию в листве — лишь свет электросварки
в намокших вечерах порой напомнит нам.

Но вслушайся, вглядись: зарю линуя зыбко,
все помыслы страны, весь жар ее вобрав,
на сотни тысяч верст гудит многоязыко
железным языком осенний телеграф:
«Кремль.
Сталину-отцу.
Свое сдержали слово,
бесстрашные в труде и верой в Вас крепки,
рабочие Москвы...
рабочие Ростова...
колхозники с Днепра...
с Амура
и Оки»...

Над крышами Москвы зажгла салют зарница...
День кончен. Он не спит... Да спит ли он когда?
Живая мысль его ко всем умам струится,
ко всем сердцам идут отсюда провода!
В ответ к нему на стол, шурша, сползает лента,
звучит, как песней песнь, с утра и дотемна —
в ней грохот тракторов,
шум ливней,
пламя лета,
кочевье тучных стад,
слепящий блеск зерна,
бесшумный ход машин и посвист реактивный
откинутых назад, вознесенных к солнцу крыл,
в ней все, что наш народ в своей судьбе партийной
взрастил и отковал,
расчислил и открыл...

Окончен день труда. А завтра? Снова, снова
звучит все та же речь, бесстрашна и сильна:
«Кремль.
Сталину-отцу.
Свое сдержали слово»...
Кто — Крым, Урал, Алтай?
Считай, что вся страна!
И где бы ни был ты, каким бы ни был труд твой,
в мазуте ли, в угле, в земле твоя рука,
ты с партией шагал,
ты этою минутой
вошел с докладом в Кремль,
а, стало быть, — в века!

Идет за годом год, равняя строй державный,
со Спасских в чащи зорь роняя медный звон.
Опять стоит ноябрь... Но, в жизнь влюбленный жадно,
всмотрись в сиянье глаз, в свистящий шелк знамен,
и пусть весь шар земной, вплывая в зиму снова,
услышит рапорт наш в ноябрьский этот день:
«Кремль.
Сталину-отцу.
Страна сдержала слово
и в коммунизм
прошла
еще одну ступень!»...

СОВЕТСКИЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ

Семен КИРСАНОВ

Я хочу,
чтоб в дебатах
потел Госплан,
мне давая
задания на год.

Только ли к поэзии относятся эти строки, взятые из знаменитого стихотворения Маяковского «Домой»? Разве планы сталинских пятилеток не воспринимались каждым в отдельности участником социалистического строительства, как задания ему лично? Я видел недавно, как пожилой пассажир в трамвае читал газету со сводкой третьего квартала, приговаривая: «Сто тринадцать... Хорошо! Девяносто один... Маловато... Сто девятнадцать! Вот это здорово...»

Интересно, радует ли так, занимает ли так «среднего» американца сообщение о дивидендах Дюпона? Скажет ли он «здорово», глядя на подскочивший процент прибылей миллиардового загребалы, огорчится ли, увидев понижение доходов короля долларов?

Образ мыслей и образ жизни людей в разных социально-экономических системах не может быть не разным. Мы не можем быть равнодушными ни к какому явлению в своей стране, так как оно, какой-нибудь своей гранью, обязательно касается нас всех вместе и каждого в отдельности. Отсюда наш особый, советский образ жизни.

Иных журналистов за рубежом занимает вопрос: как лучше всего «убить время»? Сия кровожадная фраза как нельзя лучше изображает образ жизни людей — «убийц времени». Это они придумали множество способов убийства времени, начиная от такого безобидного, как очень длинная сигара и пропускание струи дыма сквозь дымовые кольца, кончая убийством времени, скомбинированным с убийством людей (Гитлер, Черчилль, Цалдарис и др.). Но это—времяпрепровождение ограниченного числа лиц. Рабочему нечего думать о своем времени— оно искалечено, истерзано, убито теми, кто из чужого времени делает деньги («мекмоней»). А чтобы рабочего не занимали мысли о неправильном устройстве общества, боссами придуманы машины для убийства времени — детективные фильмы, дансинги, сады Куни-Айленд, порнографическая литература, игорные дома и прочее.

Если бы я спросил у любого деятельного советского гражданина: — Как бы нам с вами убить время? — он посмотрел бы на меня с удивлением. Именно этот вопрос был бы одним из самых нелепых в среде советских деятельных людей. Ведь «убить время» — значит его бессмысленно провести, зря его потратить.

В ликвидации темы «бесцельной жизни» состоит великая заслуга социалистического общества. За рубежом эта тема далеко не изжита, напротив, находятся люди, которые хотят возвысить, воспеть такую бесцельную жизнь.

Нет, большинство советских граждан не занимается и не хочет заниматься уничтожением времени. Время нужно, очень нужно для массы интереснейших и необходимейших дел. Разбегаются глаза, когда подумаешь, за что взяться. А тут еще спектакли, лекции, споры, производственные совещания, экскурсии, газеты, книги, а тут еще тебя вовлекают в кружки, приглашают рассказать о своем опыте...

У нас очень трудно остаться в одиночестве. Все меньше и меньше людей, чурающихся кипучих советских дел, одиночек, стоящих в стороне от больших общественных задач. Очень мало у нас нелюдимов, таких, как тургеневский Герасим. Если иной раз появляется «человек в футляре», он выглядит среди нас социальным анахронизмом. Карикатурен был бы в нашей среде непризнанный мансардный «Поэт» и живущий в стеганой комнате, изолированной от шума жизни, какой-нибудь новый Пруст.

Хорошо работать в отдельной комнате, но отвратительно прокламировать отдельность жизни, устричность существования. Как раз особенность советского образа жизни — в необычайном, необыкновенном расширении личных и общественных связей наших людей. Это уже не комнатный мирок семьи плюс несколько соседей и родственников, а все увеличивающийся круг друзей, товарищей, земляков, сограждан, коллег и других людей, с которыми общаются наши граждане, в том числе и так называемые «простые».

Понятие «простой» человек у нас коренным образом изменилось. Оно уже не означает бедность, неприхотливость, малограмотность, неопытность. Оно означает прямоту и цельность, демократическую доступность и партийную принципиальность. Потому-то наши простые люди — и государственные деятели, и рабочие, и колхозники.

Каков круг знакомств и связей у наших простых людей, ну, например, у колхозника в передовом колхозе? У него в деревне есть такие, кто побывал в Кремле, получал награду за геройский труд. Он не раз встречался с партийными деятелями района, выезжал в область, не раз совещался с учеными и агрономами. Наши колхозники переписываются с известными журналистами и писателями. Ликвидация деления на «простых» и «непростых» привела к небывалым возможностям общения.

Расширенное общение людей, общение для замыслов, осуществлений, советов, отдыха, для всего, что составляет человеческую деятельность, приводит к совершенно новому образу жизни, не похожему на прежний быт. В сущности говоря, наш быт, наш образ жизни в его лучших формах и есть «возврат человека... к общественному бытию», возвращение его «к общественному, т. е человеческому человеку», которое предвидел Маркс. Он не раз подчеркивал, что трудящийся человек при капитализме лишен общественного бытия, что этой прерогативой пользуются лишь имущие. Коммунизм же, учит Маркс, возвращает человеку то, что отобрал у него капитализм. Это и произошло у нас. Общественное бытие во всех многообразных его формах стало достоянием всех трудящихся людей. Оно и есть наш образ жизни.

Что же это за жизнь? Чем мы заменили постыдную «увлекательность» капиталистической борьбы за личное богатство, за личную власть, за право порабощения и захвата? Что мы получили вместо грустной «наполненности» жизни средних и простых людей непрерывной борьбой за существование? Каковы наши ферменты, ускоряющие и стимулирующие движение вперед каждого человека в отдельности? Что мы сделали противоположностью того, что иные со спесью называют «американским образом жизни», которая состоит для меньшинства в лихорадочном стремлении похитрее надуть, побольше урвать, всучить ядовитую краску, бесполезную пищу, разбогатеть на крахе, а для большинства — в тусклой и однообразной лямке у фордовского конвейера за ничтожную плату?

Мы из'яли из своего быта экзотику притонов и разбойничью романтику разных Алькапоне и Морганов. Мы нашли новую осмысленную увлекательность и идейно осознанную романтику.

Итак, во-первых — увлекательность труда. Социалистическое соревнование придало труду новые черты, вызвав в массах огромный прилив живой, предприимчивой мысли. Предприимчивость пошла по новому руслу — руслу общественного дела. Если вначале была лишь работа вперегонки, то вскоре она уступила место рабочей инженерии, расчету, изучению процесса труда, вмешательству в установившиеся традиции.

Партия поддержала этот беспримерный в истории переворот в отношении к труду. Товарищ Сталин об'явил чувство нового — драгоценным чувством большевиков и поднял миллионы на борьбу за новое. Товарищ Сталин сказал нам: «В самом деле, присмотритесь к товарищам стахановцам. Что это за люди? Это главным образом, — молодые или средних лет рабочие или работницы, люди культурные и технически подкованные, дающие образцы точности и аккуратности в работе, умеющие ценить фактор времени в работе и научившиеся считать время не только минутами, но и секундами». Товарищ Сталин об'яснил нам, что «стахановское движение представляет будущность нашей индустрии, что оно содержит в себе зерно будущего культурно-технического под'ема рабочего класса, что оно открывает нам тот путь, на котором только и можно добиться тех высших показателей производительности труда, которые необходимы для перехода от социализма к коммунизму и уничтожения противоположности между трудом умственным и трудом физическим».

Предвидение товарища Сталина осуществляется на наших глазах. Теперь стахановец не только рекордист, обладатель предельного достижения — он уже вожак новаторов, борющийся за свой метод, он человек, открывший радость увлечения в труде и по-социалистически открывающий ее другим. А если выразиться проще, то можно сказать, что работать в нашей стране стало чертовски интересно. И когда встречаются две бывшие школьницы и одна из них узнает, что другая не работает, а только замужем, — это обстоятельство служит предметом сожалений, но не зависти.

Наряду с трудом в бюджете времени советского человека важное место занимает совершенствование своих знаний, то, что мы называем «учебой». Почти все люди у нас что-нибудь да изучают, — кто иностранный язык, чтобы читать технические зарубежные издания, кто добывает дополнительную квалификацию, кто штудирует экономику, и почти все совершенствуют свой взгляд на жизнь, изучая ленинско-сталинскую теорию, отшлифовывая свое мировоззрение. По-нашему, по-советскому, это называется «работать над собой».

Мы говорим — «человек вырос», и это означает не этап карьеры, а результат обогащения идейно-опытного имущества человека. Школьники часто говорят — мы «прорабатываем» того или другого писателя, и это значит, что они не только читают, но изучают его, не только узнают, но и вырабатывают к нему свое отношение.

Советский образ жизни не есть нечто уже навсегда сложившееся и неподвижное. Увлекательно именно то, что он складывается, движется и видоизменяется. Непрерывно происходит борьба с атавизмами старого, с глупым восторгом перед капиталистическими вещичками и идейками. Упорная борьба с пережитками в нашем сознании. Борьба с рутинерами, с людьми, которым еще не по вкусу наше общественное бытие.

И часто очень обычные советские люди оказываются на самых передовых позициях этой борьбы за новое. Так получилось на дискуссии о биологии, в которую, помимо ученых, втянулись и агрономы, селекционеры, преподаватели вузов и школ и немало людей, просто жадно интересующихся важными проблемами науки и культуры. Борьба за новое против старого происходит в городах — за сады, за зелень, за прямые новые дороги; в общежитиях и домах — за новые формы быта, за высокую социалистическую мораль, за чистоту отношений и за эстетику опрятности и чистоты. Борьба идет за новое во всех уголках жизни — за общественную дисциплину, за электростанцию против лучины, за стих Маяковского против стиха Ахматовой, за шиферную крышу против соломенной, за марксистское понимание мира против идеалистического тумана, за новые, лучшие формы домов, обуви, одежды, за новые советские формы торговли—и так без конца, без конца. Там, где эта борьба активнее, там и жить увлекательнее.

Советским людям стало видно далеко, во все части света. Нам видны и наши враги и наши друзья. Мы глубоко сочувствуем тем, кто желает и свою жизнь сделать полноценной, осмысленной. Советские люди с волнением следят за борьбой и греческих и индонезийских трудящихся.

О масштабах этого волнения может дать представление письмо, полученное мною в ответ на стихи о советской студентке, опубликованные в «Новом мире». Это письмо от двух школьниц из села Даровское, Кировской области. Школьницы пишут:

«Дорогой товарищ Кирсанов! Мы сейчас очень много думаем о кровавых боях в Греции и Китае, и так хочется помочь им, нашим друзьям! С большим волнением и глубоким чувством благодарности мы прочитали Ваши стихи «Товарищи» и «Студентка», и поэтому Вы, вероятно, поймете нас. Только почему Вы пишете, что мечтает об этом только вузовка? Правда, мы не кончили еще средней школы, но мы тоже всей душой хотим помочь борцам за независимость своей Родины. Вы не думайте, что это только красивые слова; если можно, мы бы могли тоже пойти защищать Грецию. Так же, как и у Вашей вузовки, все наши мысли, чувства и стремления несутся туда, где самоотверженно, во имя счастья народа бьются греческие патриоты. Сейчас, когда сданы экзамены, нам кажется, что мы могли бы сделать многое, но как — мы не знаем.

Нам кажется странным, что мы, комсомольцы, в такое решающее время должны сидеть дома, с волнением несколько раз перечитывая сводки о боях в свободолюбивых странах...

Пожалуйста, напишите нам, что мы можем сделать для того, чтобы участвовать в этом великом освободительном движении. Ученицы Даровской средней школы: Свердлова Элеонора, Куликова Рената».

Можно быть уверенными за этих школьниц, что им не грозит пустая, бессмысленная жизнь. Таких девушек не возьмешь на приманку дансинга, коктейля, холодильника и хэппи-энда — этого почти полного ледиджентльменского набора американской жизни. Пусть призадумаются мистеры бибисисты над этим письмом, которое выражает образ мыслей миллионов наших сельских жителей самых далеких районов нашей гигантской страны.

Нам нравится так жить, мы и боролись за такую жизнь, за такие взгляды, за такие письма, за такие стихи, книги, театры, заводы, за такие дружбы и семьи, как наши. Нам по душе постоянное беспокойство за будущее страны, за метод воспитания наших детей, за характер наших журналов, за направление наших стихов, романов, пьес, кинокартин. Мы любим то, что мы нужны, что мы необходимы, что нас ждут, что с нас требуют, что живем мы на виду у своего народа, независимо от профессии — поэты и сталевары, животноводы и композиторы...

Как обидно становится советскому человеку, если ни с того, ни с сего им перестают интересоваться. Не втягивают, не привлекают, не нагружают... Что случилось? Как горько вдруг почувствовать себя оставленным, не учтенным в заданиях страны! И тогда мы бьем тревогу. Почему? Почему обидели человека? И мы говорим о холодных руководителях, говорим: неверно, не партийно, не по-советски вы поступили, товарищи! Таков советский образ жизни — наша обязанность никого не обделить великим человеческим правом — правом общественного бытия.

Недалек такой год, когда хлеб, одежда, жилище будут изобильны и займут в бытовых заботах человека второстепенное место. Коммунистическое изобилие, соединенное с высокопроизводительным творческим трудом, избавит нас от многих маленьких забот и выдвинет на первый план еще неведомо смелые замыслы и невиданно удивительные свершения.

Маяковский писал: «Ваш тридцатый век обгонит стаи сердце раздиравших мелочей...» Нет, это будет раньше тридцатого века! Мы очень скоро обгоним стаи мелочей, и творческий ум миллионов исключительных индивидуальностей создаст условия, достойные драгоценного человеческого времени, распространит, расширит и обогатит наш образ жизни.

Нет, мы не убиваем время, мы воскрешаем каждую секунду, придаем ей гигантскую величину тем, что за ее короткий секундный срок сделано, выковано, добыто, написано, выработано, создано!

Так, живя и трудясь по-советски, мы вступаем в тридцать второй год нашей увлекательной, грозной и радостной эпохи.

Антанас ВЕНЦЛОВА

Великая семья

Порыв освобожденного труда,
Великой стройки голоса живые!
Вы пробудили горы вековые.
Как в сказке, возникают города,
Шумят сады, селенья окружая,
И множится богатство урожая.
В степи безводной заблестел канал.
Обрушивает горы аммонал.
И поезда несутся по ущельям.
Огни электростанций ожерельем
Сверкают на груди родной страны.
Давно остатки рабства сметены,
И многомиллионные народы
Слились в одну великую семью,
И каждый славит Родину свою —
Твердыню мира и оплот свободы.

Я прохожу по всей стране. Как сына,
Меня тепло встречают Украина,
Кавказ, освобожденная Литва
И сердце нашей Родины — Москва.
Я вижу очертанья древних башен.
Их стройный профиль звездами украшен.
Навек вошел я в дружную семью.
И, как вино сладчайшее, я пью
Поэзию шестнадцати народов.
Она чиста, как вешняя роса.
В ней—свежесть и обилье ранних всходов,
В ней—счастья молодые голоса.

Мы бережем заветное богатство—
Народов наших радостное братство.
Нам Лениным завещано оно
И сталинской заботой взращено.
Пусть крепнет и мужает песни голос.
Звени, мой стих, как полновесный колос,
Как ветвь душистой яблони, цвети!
Над миром прозвучи, живое слово,
Во славу тех, кто нам из тьмы былого
К заре грядущей проложил пути,
Во славу нашей солнечной державы.
Она — свободы светоч величавый
И мира нерушимого оплот.
В ней — дружный труд и вольной песни взлет.

Перевела с литовского В. ПОТАПОВА

ПОДГОТОВКА К ОТКРЫТИЮ ВСЕСОЮЗНОЙ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ВЫСТАВКИ

ВСХВ. Эти буквы знает весь наш народ. Всесоюзная сельскохозяйственная выставка сыграла в предвоенные годы большую роль в широком показе и внедрении достижений передовиков социалистического сельского хозяйства. Февральский Пленум Центрального Комитета ВКП(б) счел необходимым возобновить с 1950 года работу выставки.

Ныне на территории Всесоюзной сельскохозяйственной выставки широко развернулись работы по восстановлению павильонов, служебных корпусов, подземного хозяйства, энергетической базы. Особенно много плодовых деревьев было посажено осенью этого года — пополнился и обновился мичуринский сад. Сейчас здесь собрана почти вся коллекция плодово-ягодных насаждений, выведенных великим преобразователем природы. Сад будет на выставке базой для распространения идей и методов Мичурина.

Восстанавливается павильон «Агролесомелиорация» с прилегающими к нему лесозащитными полосами. Материалы павильона будут использованы для пропаганды исторического постановления партии и правительства о повышении урожайности в степных и лесостепных районах европейской части СССР, для показа роли лесных насаждений в борьбе с засухой, эрозией почвы и на осушении болот.

Одним из первых, к 7 ноября, заканчивается восстановление павильона Молдавской ССР. Энергично ведет восстановительные работы в своем павильоне правительство Армянской ССР. Приступают к ремонту павильонов другие союзные республики, министерства и организации.

Дирекция выставки создала специальный комбинат, об'единяющий несколько производственных и художественных мастерских и большую фотолабораторию.

В годы послевоенной сталинской пятилетки социалистическое сельское хозяйство достигло огромных успехов. В связи с этим тематика выставки значительно расширяется.

По следам выступлений «Литературной газеты»

«Примиренчество и самоуспокоенность»

В статьях «Примиренчество и самоуспокоенность» и «Академия наук не занимается историей СССР», помещенных в «Литературной газете» от 8.IX и 2.X 1948 г., вполне правильно поставлен вопрос о серьезных недостатках в работе Института истории Академии наук СССР и вскрыты крупные ошибки в некоторых трудах, выпущенных институтом.

В последние годы Институт истории, выпустивший значительное количество трудов, лучшие из которых получили широкое общественное признание, издал ряд книг, являющихся порочными в методологическом отношении и содержащих грубые политические ошибки (книга С. Б. Веселовского «Феодальное землевладение в северо-восточной Руси» и ряд статей в сборниках: «Труды по новой и новейшей истории», т. I, «Византийский Временник», т. I, «Средние века», т. II и сборник «Петр Великий»). Институт не обеспечил также выпуска в свет трудов по важнейшему периоду истории — истории советского общества.

Коренной причиной этих пороков и ошибок в перечисленных работах является забвение их авторами марксистско-ленинского принципа партийности в науке и сползание их на позиции буржуазного об'ективизма или протаскивание идеалистических концепций. Наличие примиренческого отношения и самоуспокоенности, отсутствие развернутой критики и самокритики в институте и недостаточный контроль за работой со стороны руководителей секторов и дирекции института дали возможность подобным работам появиться в свет.

В институте проведены заседания секторов и расширенное заседание ученого совета с активом, на которых обсуждались поставленные газетами «Культура и жизнь» и «Литературная газета» вопросы. Коллективы секторов и ученый совет института единодушно признали справедливость и своевременность критических указаний и наметили конкретные меры для преодоления выявленных в его работе пороков.

Институт принимает все необходимые меры к тому, чтобы на своем участке достойно выполнить требования, пред'являемые партией к советской исторической науке.

Акад. Б. ГРЕКОВ,
директор Института истории Академии наук СССР.

„Москва, Кремль, товарищу Сталину“

Вера ИНБЕР

У кого первого зародилась мысль поведать Иосифу Виссарионовичу о достигнутых успехах, о преодолении трудностей, о завершении начатого?

Кто был человек, прежде других надумавший сообщить об этом в Кремль и предложивший это товарищам по работе?

Предложил он, возможно, оробел: замысел был необычен.

Но увидав, как заблестели глаза, как преобразились лица собравшихся, услыхав, как, перебивая друг друга, заговорили люди, этот человек понял, что он «попал в точку». Высказал общее заветнейшее желание. И был счастлив.

Где это происходило? В заводском ли цехе, озаренном отблесками пламени? В солнечном ли помещении МТС, среди моря зреющих колосьев? Или на берегу настоящего моря, в управлении рыболовецкой артели, под гул прибоя?

Ответить на эти вопросы так же трудно, как указать то первое струение капель, из которых образовался ручей, давший начало Волге.

Письма, адресованные: «Москва, Кремль. Товарищу Сталину»,—подлинно народное движение. И как у всякого такого движения, корни у него необычайно глубоки. Это движение зародилось одновременно во многих местах, во многих сердцах.

Собранные воедино, эти письма составят своего рода энциклопедию по всем вопросам советского государства: неисчерпаемый клад для историков и социологов.

Не сторонний наблюдатель, не бесстрастный летописец, «добру и злу внимая равнодушно», изо дня в день ведет эту живую летопись страны. Среди всех этих страстно увлеченных своим делом людей нет равнодушных. «Добро» и «зло» для них конкретны, осязаемы, весомы.

«Зло» предстает перед ними то в виде несговорчивой природы, которую необходимо переспорить, то в виде косности отдельных работников, с их боязнью нового. И с этим бороться порой так же трудно, как с астраханскими суховеями.

«Добро» — это все то, что полезно нашей стране, что способствует ее росту и процветанию.

Нет ни одного значительного события, которое не нашло бы своего отклика в письме к товарищу Сталину.

Могучий голос Ленинграда, призывающий к досрочному выполнению послевоенной сталинской пятилетки, был услышан всеми. И вот Харьков и Харьковская область сообщают в Кремль, что после «пепла и руин» немецкой оккупации местная промышленность восстанавливается на более высоком техническом уровне, чем была до войны.

Черная металлургия Урала и Востока представляет собой мощное гнездовье: заводов металлургических, метизных, коксохимических, заводов ферросплавов, горнорудных и огнеупорных предприятий. Представители каждого из этих заводов и предприятий, собравшись в июле этого года в городе Свердловске, обдумали и взвесили свои обязательства и направили их по адресу:

«Москва, Кремль. Товарищу Сталину».

Легкая промышленность Москвы и Московской области, предприятия — кожевенные, обувные, трикотажные, швейные, меховые, обязались: «Выпустить... дополнительно 550 тысяч пар обуви, 146 тысяч штук трикотажных изделий, 1.180 тысяч пар чулочно-носочных изделий, 30 тысяч пальто, 27 тысяч костюмов и 31 тысячу платьев», сообщили об этом товарищу Сталину.

Промышленность Ленинграда обязалась дать в 1948 году 700 миллионов рублей сверхплановой экономии.

Уже одни названия районов, взявших на себя это обязательство, вызывают воспоминания военных лет.

Районы: Гатчинский, Ново-Ладожский, город Волхов — все это были плацдармы сражений в дни войны. Они не раз фигурировали в военных сводках Совинформбюро. Передаваемые по радио, они наполняли эфир грозной атмосферой боев.

Теперь эти же названия свидетельствуют о производственных победах послевоенной сталинской пятилетки.

В августе текущего года руководители 35 заводов и фабрик столицы призвали московскую промышленность путем снижения себестоимости продукции дать не менее миллиарда рублей сверхпланового накопления.

Такая цифра лучше всяких слов говорит о масштабах этого великолепного почина. Но и эту цифру москвичи нашли возможным увеличить. Москва даст государству два миллиарда рублей.

В том же августе «многотысячная армия советских шахтеров — от шахт Донбасса до шахт Дальнего Востока, от шахт Кузбасса до шахт Подмосковья, от рудников Урала и Караганды до рудников Грузии, Киргизии, Узбекистана и Таджикистана», все это мощное племя горняков, впервые празднуя «День шахтера», в письме к товарищу Сталину клянется, что не посрамит «шахтерской славы, что будет все сильней и сильней греметь слава о вдохновенном труде горняков в забоях и в лавах, на шахтах сталинских пятилеток».

Чувства советских шахтеров выражены здесь с силой, которой может позавидовать и поэт. Но главное, конечно, не в форме, а в содержании.

Читая о вдохновенном труде, невольно обращаешься мыслью к тому, что делается сейчас у горняков Франции. Какой горчайшей иронией прозвучали бы эти слова там, где горняки, в ответ на свои требования о хлебе, получают пули карательных отрядов. В том же августе, в день своего праздника, железнодорожники Советского Союза, великой железнодорожной державы, пишут в Кремль товарищу Сталину, обязуясь, каждый на своем участке, еще более повысить скорость поездов, еще больше экономить топливо, еще быстрее грузить уголь, черные металлы, зерно, нефть, нефтепродукты. Все, что добыто вдохновенным трудом советских людей.

Поезда, груженные зерном... Советские урожаи. Миллионы гектаров полей. Живая, широкая зыбь в океане колосьев. Зерновые холмы на ссыпных пунктах. Потоки зерна, с шелестом бегущие по элеваторам. Хлеборобы всей страны пишут в Кремль товарищу Сталину. Тяжелые золотые волны хлебов как бы вплотную подступают к стенам Кремля, колышутся под его звездами.

Колхозы и совхозы обязуются увеличить посевную площадь, собрать высокий урожай со всей этой площади, а не только с отдельных ее участков.

«Заверяем Вас, что мы будем работать с напряжением всех своих сил, проявляя творческую инициативу в труде, не успокаиваясь на достигнутом»,—пишут совхозы Украины товарищу Сталину.

«Борясь за дальнейшее процветание нашей любимой Родины, мы будем свято соблюдать основной закон колхозной жизни — Устав сельскохозяйственной артели», — пишет Киргизия.

«Восстановим наши сады, виноградники и тутовые насаждения, шире развернем посадку новых садов в каждом колхозе»,— пишет Азербайджан.

«Умножим наше общественное артельное богатство». — пишет Грузия.

«Построим в 1948 году 10.000 домов колхозников»,—пишет Орловская область.

Моряки рыболовного тралового флота Мурманской области, перечисляя свои траулеры, сообщают, что траулер «Фиалка» обязуется дать стране 55 тысяч центнеров рыбы.

Так и встает перед глазами эта скромная морская «Фиалка», выросшая в суровых водах Белого моря и, по мере сил, участвующая в снабжении страны рыбой.

«Нашим девизом будет — дать стране больше добротных и красивых тканей»,— пишут текстильщики Владимирской области.

«Там, где сосны шумят исполины,
Где могучие реки текут,
Там о Сталине мудром былины
У костров лесорубы поют», —

пишет Карело-Финская республика в день своего 25-летия.

Рапортуя товарищу Сталину обо всем, что было сделано для восстановления Пскова, псковичи пишут: «Мы примем все меры к тому, чтобы быстрее возродить наш древний русский город Псков, восстановить его исторические памятники, сделать его еще краше и лучше, чем он был до войны».

Можно ли за один раз хоть как-то охватить письма, адресованные в Кремль? Нет. Это так же невозможно, как окинуть единым взглядом всю нашу страну.

Письма, адресованные товарищу Сталину, идут к нему отовсюду. Их везут поезда и корабли, их доставляют самолеты.

Среди великого множества голосов нашей Родины с особой значительностью звучит голос советской науки. Не той, так называемой «чистой» науки, которая сплошь да рядом оказывается орудием в нечистых руках политиканов и дельцов. Не той кабинетной затворницы, якобы не зависящей от структуры общества, а на деле — прислужницы правящих классов.

«Наука, отгороженная от народа, от практики, не является наукой», — читаем мы в обращении к Иосифу Виссарионовичу, принятом на сессии Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук. И дальше: «Наука должна учить исследователей дерзать в поисках путей и способов управления природой для нужд людей».

Что эти знаменательные слова не являются одной только декларацией, доказывает Великий план лесонасаждения.

Видоизменится лик нашей страны. Станет иной шестая часть земного шара. Это ли не «управление природой для нужд человека»! Защищенные от суховейных ветров, выше и устойчивее сделаются урожаи. Полноводнее — реки, в первую очередь — красавица-Волга.

Пять лет—небольшой срок. За пять лет успеют подняться и зазеленеть миллионы деревьев. Миллионы кустарников сомкнут свои кроны. Это будет именно так. Да и не может быть иначе в стране социализма, где человек преобразует природу, где научная теория не оторвана от практики. Слова Гёте в «Фаусте», цитированные в свое время Лениным:

Теория, мой друг, сера,
Но зелено вечное дерево жизни, —

эти слова наполняются у нас живым, конкретным содержанием. И через пять лет, развернув газету, мы прочтем, что план о лесонасаждении претворен в жизнь. Что он в расцвете. И сообщение об этом будет также направлено в Кремль.

Все лучшее в стране: итоги длительных исканий, научные открытия, перевыполненные обязательства, впервые испробованные и оправдавшие себя методы работы, сообщения о победах над природой, о новых стройках, о восстановленных городах; все способности, все богатства ума и сердца, — все это адресовано туда, куда с любовью устремлены мысли советских людей, работающих во славу своей социалистической Родины. Все это адресовано: «Москва, Кремль. Товарищу Сталину».

Акад. С. ВАВИЛОВ
президент Академии наук СССР

НАУКА И НАРОД

Всем памятно сталинское определение передовой науки — «науки, которая не отгораживается от народа, не держит себя вдали от народа, а готова служить народу, готова передать народу все завоевания науки, которая обслуживает народ не по принуждению, а добровольно, с охотой». Год от года все полнее отвечает советская наука этому сталинскому определению. В нашей стране постепенно за советские годы возник, в сущности, совершенно новый для мира вид науки — науки народной.

Смысл такого эпитета многосторонен. Наша наука — народная прежде всего потому, что она целиком поставлена на службу своему народу, своему государству. Старая дореволюционная русская наука со времен Петра до самого кануна Октября была в основном частным, личным делом самих ученых. Исследовательская работа даже таких государственных учреждений, как Академия наук, считалась не подлежащей контролю и регулированию. В царской России научное исследование рассматривалось правительством как декорум, неизбежный в государстве, именующем себя культурным. Для такого декорума во многом и существовала Академия наук. За реальной технической помощью правительство в очень многих случаях предпочитало обращаться за границу. Частный характер старой русской науки с особенной ясностью проявился в предреволюционные годы, когда в знак протеста против правительственного гнета в науке и высшей школе в Петербурге и Москве начали возникать частные научно-исследовательские учреждения и высшие учебные заведения.

Блестящая и многочисленная плеяда отдельных русских ученых не могла преодолеть преграду, которая искусственно отгораживала науку от народа и государства. Русские дореволюционные ученые, помимо своей воли, были одиночками, не имели школ, не располагали в большинстве случаев никакой возможностью развивать свои новые идеи, передавать в промышленность свои технические открытия. Наука не находила отзвука в своей родной стране. Ученые нередко чувствовали себя чужаками у себя на родине.

Великая Октябрьская социалистическая революция решительно и навсегда покончила с этой нетерпимой дореволюционной традицией. С первых же месяцев советской власти наука, ученые, высшие школы, Академия наук были привлечены к начинавшемуся делу социалистического строительства. Научное исследование стало необходимой, неот'емлемой частью государственной жизни. Оно было одним из условий осуществления сталинских пятилеток, оно оказало реальную большую помощь Советской Армии в годы Великой Отечественной войны. Роль науки ясно отражена в послевоенном пятилетнем государственном плане. Замечательным документом последнего времени, свидетельствующим о государственном, народном характере советской науки, служит постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б), опубликованное 24 октября 1948 года О плане полезащитных лесонасаждений, внедрения травопольных севооборотов, строительства прудов и водоемов для обеспечения высоких и устойчивых урожаев в степных и лесостепных районах европейской части СССР.

Государственный характер советской науки ясно выражается в ее плановости. Наша наука и ее результаты — не случайное сочетание достижений отдельных ученых, работающих по своему усмотрению. Деятельность больших научных коллективов, институтов и лабораторий планируется в соответствии с заданиями правительства, с общим государственным планом.

Второй смысл слов «народная наука» заключается в том, что за советские годы в науку привлечены народные массы. Громадное большинство современной 150-тысячной армии советских ученых — выходцы из рабочих и крестьян; они всем существом своим связывают нашу научную культуру с жизнью, бытом, стремлениями народных масс. Как говорил товарищ Сталин на XVIII с'езде партии: «...Мы имеем теперь многочисленную, новую, народную, социалистическую интеллигенцию, в корне отличающуюся от старой, буржуазной интеллигенции как по своему составу, так и по своему социально-политическому облику». Среди советских ученых свыше 36 процентов членов и кандидатов ВКП(б) и большое число комсомольцев.

Народный, демократический состав армии советских ученых во многом определяет стремление советской науки быть общедоступной и понятной широким массам. Дореволюционная русская наука, в лице лучших своих представителей, всегда стремилась быть ближе к народу и нести ему результаты своих трудов. Еще Ломоносов читал в Академии наук открытые популярные лекции. Н. И. Лобачевский также был известен своими популярными лекциями. В краткой исторической записке о состоянии Казанского университета за 1839 год мы читаем: «Ординарный профессор Лобачевский увлекал слушателей своим красноречием, представляя им в поэтических картинах дивное строение мира с его бесчисленными и разнообразными явлениями. Тут каждый уверялся, что науки не должны вращаться только в тесном кругу ученых, но сливаться с общественной жизнью и проникать все сословия народа». Курс лекций Лобачевского даже называли «Народной физикой». Подобные же лекции читали К. А. Тимирязев, И. М. Сеченов и другие. Такое стремление отдельных ученых к народу сделалось в советской стране могучим течением. В виде примера можно привести деятельность Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний, организация которого в мае 1947 года была встречена с огромным под'емом в кругах советской интеллигенции и во всем народе. Общество чрезвычайно быстро растет и непрерывно расширяет свою деятельность, распространяя ее во все советские центры и в глубь страны, в колхозы.

Широкая пропаганда знаний с первых же месяцев советской власти привела к тому, что прочно определилось мировоззрение советских людей, трудящихся на любых участках жизни нашего общества, мировоззрение сознательного рабочего, крестьянина, интеллигента. В основе этого мировоззрения лежит диалектический и исторический материализм с его несокрушимой убедительностью, широтой, гибкостью и практичностью. В советской стране теперь можно говорить о распространении материалистического мировоззрения в широких слоях народа, а не только в интеллигентной прослойке, потому что социалистическая культура глубоко проникла в самые недра народных масс. Проблема преодоления различия между физическим и умственным трудом начинает таким образом разрешаться.

Народ все больше и чаще выдвигает из своей среды новаторов науки и техники. «Бывает и так, — говорил о них товарищ Сталин, — что новые пути науки и техники прокладывают иногда не общеизвестные в науке люди, а совершенно неизвестные в научном мире люди, простые люди, практики, новаторы дела». Заводы и фабрики, колхозы и совхозы выдвинули за последнее десятилетие из своей среды немало замечательных творческих фигур, позволивших рационализировать, упростить, ускорить, улучшить производство и добиться рекордных результатов. Из недр народных вышли многие мичуринцы во главе с академиком Т. Д. Лысенко.

Совсем не похожа наша наука об обществе, его развитии, его истории, его экономике на науку капиталистического мира. В нашей стране наука Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина поставлена в основу сознательного, целеустремленного развития государства. Эта наука позволила задолго предвидеть пути этого развития, она определила не только успех Октябрьской социалистической революции, но и ее дальнейшую историю.

Но не только наука об обществе в нашей стране имеет особый характер. Разумеется, в советском естествознании, так же как в естествознании всего мира, изучаются одни и те же факты, одни и те же явления, одни и те же законы. Нередко, однако, идеологическая интерпретация явлений и законов природы у советских ученых совсем иная, чем у ученых капиталистического мира. Наша народная наука развивается в советском социалистическом государстве, идущем к коммунизму. Этим определяется партийность советской науки, создающая пропасть между нашей наукой и наукой капиталистического мира.

Ярким примером этого может служить новое движение в биологической науке, привлекающее за последнее время внимание всей нашей страны. Своими путями пошла и советская геология, направленная на удовлетворение громадных запросов развивающейся советской промышленности и сельского хозяйства. Результатом был громадный размах геолого-с'емочных и геолого-разведочных работ в нашей стране, связанный с выявлением и учетом запасов полезных ископаемых. На основе открытий советских ученых-геологов в Советском Союзе создан ряд новых отраслей промышленности. Новый характер в советских условиях получила также география, целиком направленная на службу государству и народу. В результате многочисленных географических исследований и экспедиций открыты обширные районы, которые до революции оставались белыми пятнами на географической карте.

Советская техника с первых же месяцев победы советской власти пошла по государственному руслу, была направлена на задачи, связанные с построением социалистического общества. Уже к первым годам после Октября, в самый разгар гражданской войны, было осуществлено такое большое начинание, как всестороннее обследование Курской магнитной аномалии, которое привело к открытию богатейших залежей железных руд. К первому же периоду советской власти относится разработка грандиозного плана электрификации Советского Союза—плана ГОЭЛРО. Товарищ Сталин охарактеризовал план электрификации, как «мастерский набросок действительно единого и действительно государственного хозяйственного плана».

Величавы и совершенно своеобразны по масштабам достижения советской техники за советские годы, а в особенности за годы сталинских пятилеток. Гиганты советского энергетического хозяйства, гидротехнические сооружения на Свири, Волхове, Днепре и в других местах — яркое выражение качества и об'ема этой техники. Радиостанции — самые мощные в мире, московское метро — самое совершенное сооружение в этом роде, гигантский канал имени Москвы, такие новые промышленные центры, возникавшие на пустом месте, как Магнитогорск, — вот некоторые примеры советской техники времен пятилеток.

Даже самая отвлеченная область естествознания—математика — получила особый, народный характер: она коренным образом связана с запросами практики. Советская математика принесла громадную пользу делу обороны и нашей промышленности. Достопримечательны достижения нашей науки в области так называемой машинной математики. Применяя различные физические законы из области электродинамики, гидравлики, механики, электронно-вакуумных явлений, советские ученые нашли пути автоматического решения сложнейших математических задач, выдвигаемых современной техникой.

Таковы некоторые черты нашей народной советской науки. Сейчас трудно предусмотреть все возможности, таящиеся в ней. Они неисчерпаемы и качественно, и количественно. Открывающиеся в этом отношении перспективы можно до известной степени сравнить с тем, что происходит сейчас в энергетике, когда в результате открывшихся способов использования энергии атомного ядра казавшаяся ранее совершенно инертной масса может быть использована, как источник новых громадных запасов творческой энергии. Такие ранее скрытые запасы энергии Великая Октябрьская социалистическая революция открыла в народных массах, привлеченных теперь к делу культуры и науки.

Галина НИКОЛАЕВА

Ответственность перед Родиной

Бессмертный подвиг капитана Гастелло, упорный и вдумчивый труд Марка Озерного, проникновенность, боевой дух научных изысканий преобразователей природы Мичурина и Лысенко — все это многообразные проявления той любви к Родине, которая живет в сердцах всех советских людей.

Мне хочется остановиться на одном из этих проявлений — на чувстве ответственности перед своей страной. Это чувство, когда-то присущее только лучшим, передовым людям своего времени, теперь стало неот'емлемым качеством советского человека, и мы уже привыкли к этому, как к обычной черте нашей повседневности.

Когда я думаю об этом чувстве, мне вспоминается несколько эпизодов, незначительных и незамысловатых на первый взгляд, но полных, если вдуматься в них, высокого смысла.

* * *

Передо мной кузнечный цех — сердце Горьковского автозавода. Столбы света наискось падают с застекленного потолка.

Двумя длинными рядами стоят вперемежку с печами гигантские ковочные машины. Трещит железо, бьется в топках белое пламя, только что откованные детали остывают, превращаясь на глазах из алых в фиолетовые, сизые, черные. По широкому проходу идет коренастый бритоголовый крепыш в фартуке и рукавицах. Текучие отсветы топок скользят по его оживленному круглому лицу. Это Елизар Куратов, знаменитый автозаводский кузнец.

У него быстрая белозубая улыбка. Светлые глаза его выражают одновременно и простодушие, и веселое лукавство, и упорство. Широким жестом показывает он нам на груду готовой поковки и говорит весело и гордо:

— Вот! На машине Эймуко никто никогда не давал столько этих деталей за одну смену! Напишите об этом, товарищ Николаева! Напишите!

Он еще весь полон радостью удачи. Высокое напряжение трудового дня еще не улеглось в нем — оно дрожит в радостно напряженных интонациях его слов, оно чувствуется в порывистых жестах темных, словно отлитых из металла рук. Оно сквозит в улыбке, вспыхивающей внезапно и заливающей все лицо.

Он рассказывает нам о новом, только что поставленном рекорде и снова повторяет:

— Напишите об этом!

— Как он честолюбив, однако! — тихо бросает мне один из моих спутников.

Но не честолюбие, а совсем иное, глубокое чувство угадываю я в настойчивой просьбе кузнеца. И, словно подтверждая мою догадку, он торопливо говорит:

— Вы не подумайте... мне это не для похвалы... Только пускай знают, что недаром награждали Елизара Куратова... Что когда меня награждали, то принял я награду со всей ответственностью... Не для похвальбы это, а как бы в ответ...

Он путается в словах и умолкает, хотя обычно он мастерски владеет словом и считается одним из лучших ораторов цеха.

Лицо у него становится серьезным, смущенным, просящим. Мне ясно, что и взволнованность его речи, и страстная напряженность его труда вызваны одним чувством — чувством глубокой ответственности перед Родиной, поднявшей его на большую высоту.

* * *

Серое уреньское небо. Тучи низко ползут над лесом, цепляясь за серый осинник. Мокрая, колючая стерня на полях, размокшая дорога и редкие дождевые капли... Невесело...

Невесело, может быть, и оттого, что то лето, о котором мне вспомнилось, было на редкость неудачным для Урени. Небывалая засуха и зной летом и проливные дожди как раз в период уборки. С тока идет худощавая женщина с чистыми, ярко-голубыми глазами. Это Мария Акимовна Рохолова, звеньевая колхоза «Трактор», награжденная орденом Ленина. Обычно она очень спокойная, уравновешенная, внимательная. Но сегодня она рассеяна, руки ее теребят бахрому полушалка, губы подергиваются, на щеке блестит влажный след. Слеза это или дождевая капля?

— Что с вами? — спрашиваю я.

Она отвечает обидчиво:

— Сейчас домолотили. Подсчитали урожай... Ржи взяли около 20 центнеров с гектара... А обещались 30... Орденом Ленина меня наградили, а я слова своего не сдержала, — прозрачная капля сползает по щеке, — как теперь людям глядеть в глаза? Да ведь как бы не такое лето... Ведь хоть бы дождинка упала на поле!

Двадцать центнеров с гектара — это урожай, которого до революции не знали в здешних местах даже в самые урожайные годы. Женщина, собравшая этот урожай в небывало засушливое лето, идет рядом со мной и плачет от стыда, потому что не смогла собрать 30 центнеров и не сдержала слова, данного Родине.

* * *

Это чувство, присущее всем советским людям, должно быть особенно сильно развито у нас, у советских писателей, которым страна предоставила такую широкую трибуну, как советская печать, которые владеют таким могучим оружием, как свободное слово.

Я поняла это очень ясно три года назад, когда неожиданно для самой себя из врача-лаборанта маленького «захолустного» госпиталя превратилась в писателя.

Когда я, запыленная, возвращаюсь домой из своих поездок по районам, дома вздыхают и говорят мне:

— Как хорошо нам было, когда ты сидела в лаборатории, считала эритроциты под микроскопом и разводила георгины в саду под окнами!

Я улыбаюсь в ответ и готовлюсь к следующей поездке.

Мне уже нельзя иначе. Я должна написать нужную, полезную книгу, а знания жизни еще так мало, и писательский опыт еще так ничтожен, и мастерство еще так несовершенно...

Когда перед великой годовщиной мы с моими друзьями-писателями подводим итоги прошедшему году, каждый из нас задает самому себе один и тот же вопрос:

— То ли, что надо, сделал?

Самое важное — это правильно нацелить свое творчество, самое важное — сохранить то чувство ответственности перед Родиной, которое владеет кузнецами, полеводами, писателями и в котором лежит залог творческой победы.

Н. ГАМАЛЕЯ
почетный академик

Истина всегда торжествует

Моя научная деятельность началась семьдесят лет назад. На моих глазах зарождалась и достигла блестящего расцвета медицинская микробиология.

Работая совместно с Пастером, я был свидетелем огромных затруднений, которые пришлось преодолеть этому замечательному ученому, прежде чем его гениальные труды были признаны.

Наша молодежь только по книгам может представить себе, каков был путь ученого в дореволюционное время, какие трудности приходилось ему преодолевать.

В советской стране, где все новое в науке встречает поддержку со стороны правительства и всего народа, где научная работа ведется с огромным размахом и государство ассигнует на нее колоссальные средства, трудно себе представить, что было время, когда работа эта велась, главным образом, на личные средства научных работников или отдельных меценатов.

Даже ученым самого старшего поколения, но уже привыкшим к повседневной заботе о нас советского правительства и к народной поддержке, странно вспоминать, что когда-то, начиная научную деятельность, мы должны были рассчитывать только на свои собственные силы.

Мне вспоминается сейчас история создания у нас в России в 90-х годах прошлого века первой пастеровской станции. Не останавливаясь на подробностях, скажу только, что когда эта лаборатория была организована в Одессе, она, за неимением средств на оплату помещения, должна была находиться в моей квартире. Оборудована она была моими личными бактериологическими приборами. Сумма, ассигнованная на оплату четырех работников, в число которых входил сам организатор и руководитель станции И. И. Мечников, равна была 565 рублям в месяц. Смету расходов составлял я, но ее скудные размеры об'яснялись просто — я не без основания опасался, что городская управа не пойдет на более ощутительные расходы для такого малоинтересного дела, как организация бактериологической лаборатории. Большая смета поставила бы под угрозу создание лаборатории. Самому мне пришлось поэтому от жалованья отказаться.

Моя командировка в Париж, к Пастеру сделалась возможной только благодаря тому, что какой-то неизвестный благотворитель пожертвовал для этой цели тысячу рублей.

В короткой газетной статье нет возможности остановиться на всем том, с чем мне пришлось столкнуться в научном мире Парижа. Невозможно осветить также и ту напряженную войну, которую на протяжении многих лет пришлось вести Пастеру с косными до невежественности деятелями медицины, стремившимися всячески опорочить его великое открытие.

Пастер производил свои опыты на собственные скромные средства, преодолевая препятствия, которые чинила ему Парижская медицинская академия. Следует упомянуть о том, что первая в мире бактериологическая станция должна была быть создана в Париже на средства, собранные по подписке от отдельных жертвователей.

Таким образом, правительство ни одной страны не считало себя обязанным поддерживать научные начинания, а тем более финансировать научную работу.

Мне хочется остановиться еще на одном вопросе—на облике буржуазного ученого. Я уехал из Парижа, где прожил несколько лет, потому что надеялся в России получить возможность работать спокойно, — вне интриг. Однако Петербург не оправдал моих ожиданий, и там я не нашел того, что искал. Борьба страстей, разгоравшаяся вокруг каждого научного открытия, была одинаково ожесточенной во всех странах. Всякий успех возбуждал зависть и недоброжелательство. Соперничество, конкуренция, стяжательство были свойственны среде ученых не в меньшей степени, чем среде дельцов.

В дни самых больших своих переживаний, связанных со стремлением многих моих «друзей» похоронить одно из моих первых научных открытий (я имею в виду описанный в моих «Воспоминаниях» эпизод с холерным вибрионом), я утешал себя латинским изречением: «Великая вещь истина, и она восторжествует». Но мне пришлось убедиться в том, что в битве, разгорающейся между учеными в капиталистических государствах, поиски истины меньше всего интересуют участников. Стремления сводятся, главным образом, к тому, чтобы перехватить зерно открытия, или, если это не удается, похоронить его вместе со всем вопросом.

И теперь, когда мы празднуем 31-ю годовщину Великой Октябрьской социалистической революции, я с радостью думаю о том, насколько все это чуждо нашей стране и нашим советским ученым.

Я счастлив, что дожил до этой даты и до того времени, когда смело могу сказать: «У меня на родине истина всегда торжествует».

В нашей стране произошли грандиозные перемены. Изменился государственный строй, изменились условия, в которых мы живем и работаем, изменился моральный кодекс людей, их духовный облик. Настоящему советскому ученому чужды стяжательство и интриги, дороже всего ему поиски истины, служение отчизне, народу. Все личное, мелкое отступает в нашей деятельности на задний план. Для нас главное в работе не материальные блага, а польза, которую научное открытие может принести всему народу, Родине. Поэтому в нашей жизни не может быть места мелким чувствам. Советский ученый не суживает своего горизонта до размеров только своего личного бытия.

Его мысли и чувства направлены на благо и счастье всего народа. Поэтому мы за новое, передовое. Начиная полезное дело, все мы, советские ученые, твердо знаем, что всегда встретим поддержку большевистской партии и нашего замечательного народа.

П. ПАВЛЕНКО

Вдохновляющая сила

Я понимаю социалистический реализм как метод работы партийного деятеля в искусстве. Может быть, такое определение слишком общо с точки зрения теоретика-литературоведа, но для работы оно достаточно. Оно помогает мне раскрыть сущность произведения, обнаружить его достоинство, недостатки или пороки, помогает видеть самый рост писателя.

Есть книги, в которых метод социалистического реализма проявляется не сразу, а исподволь, словно ему пришлось преодолеть немало препон в самом ходе повествования, в процессе роста героев. В этом случае книга порою выигрывает к концу. Именно такой книгой оказывается, на мой взгляд, превосходно написанный роман К. Федина «Необыкновенное лето». Великолепный язык автора и его удивительная наблюдательность, образность его определений и характеристик настолько поражают читателей своим богатством, что, любуясь достоинствами фединского письма, часто упускают развитие самой темы. Со мной это случалось не раз. Очарованный словесным мастерством автора, я как-то смутно улавливал, о чем же, в сущности, идет речь: за узорами я не успевал видеть картину в целом. Но вот страница за страницей узор теплел, становился рабочим методом, а не самоцелью, и сквозь словесную вязь проступали люди, судьбы, масштабы и драматизм времени.

И произошло это не оттого, что К. Федин прибавил красок или сгустил конфликты. Это произошло оттого, что он вплотную подошел к теме партии и повел эту тему, как главную. Все ожило. Все приобрело смысл и значение. Я пожалел о том, что роман окончен. Главное как-то еще не успело развернуться во всю его силу.

Почти в одно время с романом К. Федина познакомился я с большой повестью С. Сергеева-Ценского «Загадка кокса», прежде мне не известной. Вещь эта написана тепло и свободно, в широкой манере, напоминающей ранние вещи автора. Интересная эта повесть оставила по себе, однако, недоброе впечатление. Все было в ней как бы на месте, все развивалось верно, — и все-таки она была лишена той внутренней правды, которая одна освещает произведение огнем жизненной силы.

В «Загадке кокса» — ни слова о коммунистах, ни слова о роли партии в производстве и науке, ни слова о том, каково значение коммунистов и комсомольцев в штурме науки для нужд народного хозяйства, ни слова о том, есть ли на белом свете вообще коммунистическая партия.

В повести живут и действуют просто люди. Но эти «просто люди» уже по одному тому, что у них, по воле автора, отнята важнейшая черта времени, выглядят не современниками, а предками, хоть и действуют в советское время. Это уже неправдиво. Застенчивость автора в политической характеристике своих героев привела к тому, что книга выглядит как бы вне времени, то-есть она не живет. Метод социалистического реализма оказался чужд автору, и ничто не помогло — ни мастерство, ни опыт, ни новизна материала.

И вот другая книга — роман В. Ажаева «Далеко от Москвы». Речь — о Дальнем Востоке, который мы все знали и полюбили по фадеевскому «Разгрому». Не без ревнивого внимания раскрыл я новую для себя книгу, события которой развертываются примерно в тех же местах, где жили герои «Разгрома», где некогда бывал я сам. Книга увлекла меня с первых же страниц смелой лепкой человеческих характеров. Невольно вспоминал я Левинсона, Морозку, Метелицу. Герои В. Ажаева были их младшими братьями или сыновьями. Как выросли, как возмужали, как духовно обогатились даже самые средние люди эпохи 40-х годов! Время окрасило их поступки в цвета, которые ранее показались бы выдуманными. Ни Батманова, ни Ковшова, ни Беридзе, ни Тополева нельзя было бы разыскать ни в годы «Разгрома», ни, может быть, в годы написания моего романа «На Востоке», потому что таких людей тогда еще не было, они сформировались позднее. Батмановы, Ковшовы, Тополевы и многие другие, жившие пятнадцатью годами раньше, выглядели иначе и обладали иными качествами. Я прочел роман Ажаева, не успев заметить, хорошо ли, дурно ли он написан. Но даже в тех случаях, когда мне казалось, что событие описано суше, чем заслуживало, пейзаж развернут небрежнее, чем следовало бы, портрет написан бледнее, чем ожидалось, — сила книги не ослабевала и ее действие на меня оставалось прежним — сильным и вдохновляющим.

Она не только радовала меня широтой и разнообразием созданного молодым художником полотна, но — в еще большей степени — увлекала сознанием, мыслью о том, как быстро и умно растет наше поколение, как красиво и цельно формируется характер социалистического человека.

Достоинство книги Ажаева, на мой взгляд, в том, что она, повествуя о строительных делах, не является романом индустриальным в узком значении слова. Это не «Туннель» Келлермана. Ажаев, говоря об инженерах, рабочих и рыбаках, рассказал нам о передовых коммунистах, о передовых людях социализма. Он показал нам породу и стать советского деятеля вообще.

Какими средствами он достиг этого? Тем ли, что он сам отличный технолог? Едва ли. Успех принесла Ажаеву подлинно партийная страсть, с которой говорит он о людях.

Совсем недавно крупный партийный работник, говоря о романе В. Ажаева, сказал: «Чем писать десятки скучных директив о том, как надо работать, я теперь одно говорю — читайте «Далеко от Москвы» и действуйте, как там сказано».

Оценка, которой может позавидовать любой художник! Прочитав Ажаева, я снова вернулся мыслью к «Загадке кокса» С. Сергеева-Ценского. Трудно сравнивать эти книги, но все же необходимо сравнить хотя бы степень их раскаленности, страстности и воинственности. В одном случае — уверенное мастерство опытного писателя, в другом — еще не всегда точный язык, не всегда верный расчет, но какая сила уверенности, какая поэзия преодоления, какая воля к победе!

Можно ли, однако, сказать, — подумал я, — что книга В. Ажаева при меньшем мастерстве достигла большего эффекта только потому лишь, что она партийна по содержанию? Нет, сказать так было бы неверно.

Дух партийности, пропитавший книгу В. Ажаева, придал ей черты своего особого мастерства.

Дело в идейном сиянии, которое излучает книга. Идейность, а не что-либо другое придает произведению масштабность и вес, она зажигает читательское сердце, а не красоты языка, — тоже, конечно, в высшей степени желательные, но сами по себе еще ничего не значащие.

Воля автора управляет сердцем читателя. Писатель находит в себе эту волю лишь в тех случаях, когда выступает как преобразователь жизни, как политик. Не к описанию, не к простому исследованию духовной жизни героев, но к преобразованию и перевооружению их духовного строя стремится писатель социалистической эпохи. Недаром он — инженер человеческих душ. И он может этого достигнуть в том случае, если будет близок к истокам жизни.

А что такое эти истоки? Где они? Не всякая струя воды — исток, не всякий ручей — начало Волги.

Истоки нашей жизни — в воле народа, идущего к коммунизму, в партийном отношении к миру. И тот, кто пьет из этих истоков, обретает силу, в которой — и мастерство, и оригинальность, и красота.

Е. ХОЛОДОВ

ЗОЛОТАЯ БИБЛИОТЕКА

Может быть, это совсем не на тему, но, право, о чем бы сейчас ни начинал думать, что бы ни принимался писать, мысль неизменно возвращается к поразившему воображение грандиозному плану наступления большевиков на природу. Да, мы можем за три пятилетки изменить лик родной земли, преобразить пейзаж, обновить климат, воздвигнуть необозримые лесные массивы, превратить знойную степь в благодатные зеленые луга, покрыть жаждущую влаги землю зеркалами прудов, взнуздать от века вольные ветра... Мил ли вам будет, доктор Астров?

О том, что такое засуха и что такое неурожай, будущим школьникам придется узнавать уже не на уроках географии, а на уроках истории. Вот какие дела нам стали по плечу на ближних подступах к коммунизму!

Может быть, повторяю, это совсем не на тему, редакция просила меня написать вовсе не о лесах, а о книжках, но как тут отделаешься от того, что пленило воображение! Да и такие ли уж это, на самом деле, далекие друг от друга предметы? Разве не один и тот же созидательный пафос большевизма вызвал к жизни и этот Великий План Землеустройства и Большую Советскую Литературу, о которой, собственно, мне и предстоит сегодня писать. Разве литература наша — не о том же самом: как мы росли, мужали и крепли, как обрели мы такую силищу, что впору нам схватиться врукопашную с природой и привести ее, гордую и непокорную, к послушанию.

1.

Славная это мысль — издать библиотеку избранных произведений советской литературы. Издательство «Советский писатель» решило собрать воедино все лучшее, что создала литература наша за три десятилетия, и дать народу больше сотни отличных книг общим тиражом в восемь с лишним миллионов экземпляров. Читайте, перечитывайте... Отличная идея!

Размах — привычный, большевистский. Вспомним, как столетие назад Белинский, желая доказать большой успех «Мертвых душ», писал с гордостью, что почти три тысячи экземпляров первого издания гоголевской поэмы разошлось за полгода... Вот тут и сравнивай!

По существу, народ сам отобрал за тридцать лет то, что оказалось сродни его помыслам и чаяниям, что стало ему близким и необходимым. Пусть на себя пеняют литераторы, кои писали не для народа, а для узкого круга эстетствующих гурманов, не для современников своих, а, якобы, только для потомков, которые, дескать, поймут и оценят. Тщетные надежды — не оценят, ибо не за что ценить.

Можно было бы, вероятно, даже наверняка, еще расширить эту библиотеку. Я бы мог назвать кое-какие книги, которые мне бы хотелось увидеть в ней; вы, может быть, назвали бы другие. Но сейчас хочется говорить не об этом, а о главном. А главное: библиотека избранных произведений достойно представляет самую передовую, самую новаторскую, самую правдивую, самую идейную литературу мира — советскую литературу.

И вот, все растет, растет на библиотечных полках, в книжных шкафах, на этажерках строй одинаковых по формату книжек с пестренькими корешками. Читатели уже прозвали это издание золотой библиотекой, хотя, как известно, никакой позолоты на этих книжках нет, и изданы они вполне скромно, пожалуй, даже слишком скромно.

Золотая библиотека... Народ оценил свою литературу по достоинству, — золотая у нас литература.

В разговорах и спорах о литературе мы чаще всего оперируем десятком названий, а она — вон какая большая, наша многоязыкая золотая советская литература, даже избранные произведения в сто томов не умещаются. А какой охват жизни! Какое многообразие тем, жанров, творческих почерков! Какая огромная галлерея образов, как много имен, ставших нарицательными! Как много говорит уму и чувствам каждого из нас один только перечень писателей, чьи книги вошли в золотую библиотеку.

Айбек. Алигер. Антокольский. Антоновская. Асеев. Багрицкий. Бажан. Бажов. Барто. Бахметьев. Бедный. Безыменский. Берггольц. Бородин. Бровка. Василевская. Васильев. Вершигора. Вирта. Вургун. Гайдар. Гладков. Голубов. Горбатов. Горький. Григорьев. Грин. Гроссман. Гулям. Джамбул. Диковский. Долматовский. Есенин. Жаров. Замойский. Зарьян. Иванов. Ильф и Петров. Инбер. Исаковский. Каверин. Казакевич. Караваева. Катаев. Кассиль. Квитко. Кербабаев. Киачели. Кирсанов. Кожевников. Колас. Костылев. Кулешов. Купала. Крымов. Лавренев. Лахути. Лебедев-Кумач. Леонидзе. Леонов. Луговской. Ляшко. Макаренко. Малышкин. Маркиш. Маршак. Маяковский. Михалков. Неверов. [illegible]. Некрасов. Нерис. Новиков-Прибой. Островский. Павленко. Панова. Панферов. Паустовский. Первенцев. Первомайский. Полевой. Пришвин. Прокофьев. Рыльский. Саянов. Светлов. Сейфуллина. Сельвинский. Серафимович. Сергеев-Ценский. Симонов. Соболев. Сосюра. Стальский. Степанов. Сурков. Твардовский. Тихонов. Толстой. Тынянов. Тычина. Упит. Фадеев. Федин. Фефер. Форш. Фурманов. Чапыгин. Чиковани. Шагинян. Шишков. Шолохов. Щипачев. Эренбург. Ян.

Имена — народу известные и народом любимые, книги — читанные и перечитанные. Книги-спутники, книги-учители, книги-друзья, книги-однополчане. Мы даже сами не всегда отчетливо представляем себе, сколь многим мы обязаны этим книгам, какое мощное влияние оказали они на идейное и эстетическое формирование каждого из нас. Да, многое, очень многое из того, что давно уже стало для нас своим, прочно усвоенным и освоенным, было когда-то почерпнуто нами впервые именно в этих книгах.

Книги эти раздвинули наш горизонт, позволили заглянуть туда, где сроду мы не бывали и навряд ли побывать нам доведется, познакомили нас со множеством интереснейших людей, вложили в точные и жаркие слова наши думы и стремления, выразили то, что нами только угадывалось и чувствовалось, помогли нам познать самих себя, уверовать в свои силы, в непобедимость нашего великого дела.

2.

Литература обязана жизни всем: вдохновением, идеями, героями. Но и она вдохновляет народ. Идейная, она пропагандирует великие идеи коммунизма. Героическая, она воспитывает героев. Жизнь дала нашей литературе Николая Островского, — не как автора только, а и как тему, как героический образ современника. Литература ответила образом Павла Корчагина. Павка сошел со страниц книги в жизнь и стал сверстником молодежи, вожаком комсомола, правофланговым в солдатском строю. Мальчик Олег Кошевой мечтал быть похожим на Павла Корчагина. Он совершил свой беспримерный подвиг. И снова герой жизни становится героем литературы. И снова сходит он со страниц книги в жизнь — сверстником, вожаком, правофланговым...

У каждой из книг золотой библиотеки — своя судьба, каждая по-разному и в разные сроки входила в нашу жизнь. Многие из этих книг люди моего поколения застали уже знаменитыми, — мы их не просто читали, мы «проходили» их за школьной партой на уроках литературы. Другие появлялись уже в пору нашей юности и зрелости, и мы радовались новым именам и новым талантам.

Есть особая прелесть в перечитывании уже прочитанных когда-то и полюбившихся книг. Листаешь страницу за страницей, и воскресают в памяти не только события и герои книги, — вспоминаешь самого себя, каким был в пору, когда впервые взял в руки вот эту книгу, вновь живешь неповторимыми и непосредственными первыми впечатлениями.

Как хорошо — протянуть к книжной полке руку и вытянуть наугад книгу, другую, третью, и знать, что можешь засесть за любую из них, что каждая из них по-своему хороша и по-своему дорога тебе. Будто раздвигаются стены твоей комнаты, и ты, как по волшебству, можешь перенестись во времена Петра или Чапаева, побывать в обыкновенной Арктике или на берегах тихого Дона, в придуманной Швамбрании или в невыдуманной Колхиде... Смотришь на книжную полку, и кажется, что за пестрыми корешками толпятся гурьбой старые твои знакомцы — чудесные фадеевские комсомольцы и такие самостоятельные гайдаровские пионеры, озорные катаевские мальчишки и шолоховские казаки, матросы Соболева и партизаны Вершигоры, инженеры Крымова, беспризорники Макаренко, ставшие чудесными тружениками и строителями страны, рабочие Гладкова и солдаты Кожевникова, санитарки Пановой и колхозники Панферова. И вспоминаешь свою первую встречу с литературными героями, как вспоминают обстоятельства, при которых впервые познакомился с людьми, ставшими потом твоими друзьями.

...Рано утром, часов в пять-шесть, кто-то твердо постучал в дверь к комиссару Федору Клычкову. Отворил — стоит незнакомый человек.

— Здравствуйте. Я Чапаев.

...Черноглазый, в серенькой рубашке и синих штанах с заплатами на коленях мальчишка с затаенной ненавистью смотрит на обрюзгшего человека в рясе... Никто не понимал, почему Павку Корчагина выгнали из школы.

...Разговор в кабинете завгубнаробраза.

— Значит, нужно нового человека по-новому делать.

Это говорит Антон Семенович Макаренко, будущий автор и герой «Педагогической поэмы».

...Переступает порог родного дома отвоевавшийся красноармеец Глеб Чумалов. Как-то встретит его Даша? Чем-то встретит его родной цементный завод, лежащий в развалинах?

...На приморском бульваре бесцельно шатается до рассвета вновь назначенный механик танкера «Дербент» Басов.

...На розвальнях санях едет в Гремячий Лог двадцатипятитысячник Давыдов — подымать целину.

...Высокий, широкоплечий, светловолосый юноша с непокрытой головой бросается наперерез обезумевшим лошадям. Вместе с Улей Громовой мы впервые увидели очень юное, свежее, со сверкающими глазами, с выражением необычайного напряжения и силы, скуластое лицо.

— Кошевой, — назвал он себя и протянул руку...

3.

Сколько славных людей вот так протягивают нам руки со страниц романов, повестей, рассказов и поэм, с каким добрым чувством мы готовы ответить на их рукопожатия и считать их не только знакомыми, но друзьями своими, — мы ведь знаем так много хорошего о каждом из них. Где мы только не побывали, следя за их трудной и славной судьбой!

Горький писал, что наша классическая литература была, главным образом, литературой центральных губерний России. Для советской литературы на географической карте страны нет белых пятен. Дальневосточные заставы, сибирские села, уральские заводы, арктические зимовки, смоленские леса, приволжские города, закаспийские степи, украинские хутора, донские станицы, белорусские болота, черноморские порты... Здесь рождались, росли, учились, любили, путешествовали, пахали, строили, воевали герои золотой библиотеки.

У каждой книги — свой неповторимый облик. Золотая библиотека отразила неисчислимое многообразие жанров и форм нашей советской литературы. Многотомные эпопеи Горького, Алексея Толстого, Шолохова, Сергеева-Ценского, мемуары Фурманова, ленинградские дневники Веры Инбер, занимательная интрига «Двух капитанов» Каверина, неторопливое повествование Василия Гроссмана о судьбе Степана Кольчугина, сложная композиция гладковского «Цемента», сатирический роман Ильфа и Петрова, бесхитростные рассказы Диковского, остро-сюжетные новеллы Соболева, лукавые и вместе с тем простодушные уральские сказы Бажова. Это — проза. А в поэзии — напряженный и горячий стих Маяковского, предельной простоты строфы Исаковского, эпические поэмы Твардовского и Кулешова, философские раздумья Антокольского, лирическая исповедь Симонова и Алигер, баллады Багрицкого и Тихонова, песни Долматовского, басни Демьяна Бедного и Михалкова, детские стихи Маршака...

4.

Разными голосами разговаривают со своими читателями авторы золотой библиотеки. У одних — громкие голоса трибунов, другие предпочитают неторопливые интонации задушевного разговора. Одни нетерпеливо вмешиваются в повествование, другие предоставляют событиям говорить самим за себя. Одни непременно хотят обратиться прямо к вам через головы своих героев и охотно пользуются правом автора на лирическое отступление, другие как бы растворяются в своих героях без остатка. Одни ведут рассказ спокойно и сурово, другие — взволнованно и горячо. Одни рассказывают о своих героях восторженно, другие — сдержанно, с ласковой, доброжелательной усмешкой. Разными голосами разговаривают со своими читателями авторы золотой библиотеки, но не услышите вы голоса равнодушного, скучающего, снобистского. В любой из книг, вошедших в библиотеку избранных произведений советской литературы, вы обнаружите активное, заинтересованное, действенное, партийное отношение к жизни.

Советская литература, направляемая большевистской партией, уверенно заняла свое место в борьбе двух миров и отдала всю свою любовь армии строителей коммунизма, а ненависть, гнев, презрение — старому миру, тщетно пытающемуся повернуть вспять колесо истории.

Помните, как Левинсон («Разгром» А. Фадеева) сформулировал свое отношение к жизни: «Видеть все так, как оно есть, для того, чтобы изменять то, что есть, приближать то, что рождается и должно быть». Эти слова мог бы повторить каждый из советских писателей, — да, видеть все так, как оно есть, для того, чтобы изменять то, что есть, приближать то, что рождается и должно быть.

Это активное отношение к жизни и позволило нашей литературе, литературе социалистического реализма создать замечательные произведения, в которых правдиво и многообразно запечатлена история советского народа, создать чудесную художественную летопись нашей борьбы за коммунизм.

Акад. Л. ШЕВЯКОВ

ПЛАН И БУДУЩЕЕ

Семь лет тому назад на Урале...

Второго декабря 1941 года в Свердловск, где к тому времени собрались многие ученые, позвонили из Молотова. Один из высших руководителей угольной промышленности сообщил о постановлении правительства, глубоко меня взволновавшем: было принято решение немедленно начать выработку мероприятий по плану восстановления шахт Донбасса. Академику А. А. Скочинскому и мне было предложено приехать в Молотов, где в то время находился Наркомат угольной промышленности, чтобы приступить к этому делу.

Припомним обстановку того периода войны: враг стоял вблизи от Москвы; Донбасс был нами утерян; немцы уверяли весь мир в своей близкой победе. И вот именно в эти дни, дни смертельной опасности, нависшей над нашей страной, советское правительство сочло нужным и своевременным готовить план восстановления разрушенных предприятий Донбасса.

Есть что-то общее в смысле государственной прозорливости и величавой смелости постановки этого вопроса с гениальным планом ГОЭЛРО. Тогда тоже страна находилась в тягчайшей обстановке, порожденной первой мировой и гражданской войной. Многим казалось безумной мечтой говорить об электрификации технически отсталой, разоренной молодой страны Советов, окруженной враждебным капиталистическим миром.

Но прошли годы, и вот, действительно, восстановление донецких шахт и заводов подходит к концу, — подобно тому, как шли годы, и казавшийся фантастическим и неосуществимым план ГОЭЛРО не только был воплощен в жизнь на деле, но и превзойден в громадной степени.

Иной раз задаешь себе вопрос: откуда эта безошибочность предвосхищения будущего?

Ответ ясен: верность прогнозов основана на незыблемом фундаменте марксистско-ленинского метода, а неизменный успех в достижении намеченных целей об'ясняется тем, что развитие жизни страны социализма направляется заблаговременно разрабатываемыми планами.

Социалистическое народное хозяйство — плановое хозяйство.

Планирование жизни великой страны есть грандиознейшая, небывалая в истории человечества задача.

Но истекшие три десятка лет существования советской власти, практика и успешное фактическое осуществление всемирно-знаменитых сталинских пятилеток свидетельствуют о том, что ум, энергия, воля советских людей блестяще справляются с этой задачей.

Не случайно, что у нас уже вошло в правило публиковать в газетах ежегодно и поквартально сообщения о ходе выполнения народнохозяйственных планов. Надо понять: за каждой цифрой сообщения Госплана — в самое последнее время публикация таких сообщений поручена Центральному статистическому управлению — бьется пульс жизни великой страны. Если прислушаться к «голосу» этих стройных колонок чисел, то услышишь гул труда многих миллионов людей, рокот тракторов и комбайнов на беспредельных полях, едва улавливаемый шорох стремительного вращения турбин гигантских электростанций, скрежет экскаваторов, гудки паровозов бесчисленных поездов. Как мощны рычаги государства, какова сила и ясность мысли, глубина предвосхищения людей, управляющих этими рычагами, чтобы из квартала в квартал, из года в год, из пятилетки в пятилетку ставить все более грандиозные задачи и со спокойной уверенностью их осуществлять!

Попытки государственного «планирования» и прогнозов будущего предпринимаются и в капиталистических странах. Но это карикатура на планирование в нашем, подлинном его понимании. Обуздать и направить в определенное русло стихию капитализма не в состоянии и сами руководители капиталистического государства. Характерным примером «прогнозов» на будущее при капиталистическом строе является предсказание наступления экономических кризисов. Но ведь это, по существу, то же самое, что по движению стрелки барометра провидеть надвигающуюся бурю. Буря идет стихийно, неумолимо, падение стрелки барометра позволяет ее только предвидеть, но не предотвратить. Вот катятся книзу индексы цен, стремительно падают акции, уменьшается «деловая активность» — буря экономического кризиса надвигается, ее можно предвидеть, но развеять нельзя, — это стихия.

Абсолютно иной смысл имеют прогнозы у нас, в стране социализма. Мы уверенно предвосхищаем будущее нашими планами, потому что мы сами его творчески создаем.

Великолепной иллюстрацией к этой мысли является создание любого из наших крупных промышленных узлов.

Великие возможности ведения народного хозяйства по плану позволяют создавать индустриальные центры там, где есть к тому предпосылки в виде основного сырья или энергии, хотя бы к моменту строительства других условий для развития здесь промышленной жизни еще и не было — эти условия создаются в процессе самого строительства.

Если сейчас Караганда — один из важнейших районов добычи угля, то первые строители — это было два десятка лет тому назад — добирались в Караганду еще на верблюдах. Сейчас здесь несколько десятков прекрасно механизированных шахт, электростанции, обогатительные фабрики, механический завод, громадное водохранилище. В пустынной степи возник новый город прекрасной архитектуры, с многолюдным населением. В ближайшем районе от Караганды организованы в громадных масштабах полеводство, сады, животноводство. Вновь построенные дороги соединяют Караганду с Уралом и другими районами.

Пример этот — один из сотен. Ведь, например, идея сооружения на Днепре электростанции существовала более пятидесяти лет, но реализовать ее оказалось не под силу капиталистам. А наша молодая советская страна, уже в конце первого десятилетия существования, еще только раскрывая свои великие возможности, поставила вопрос строительства гидростанции так широко, что ни один завод Европы не оказался в состоянии принять заказ на запроектированные нашими инженерами гигантские турбины.

Наша жизнь направляется планом.

Но чтобы творчески планировать будущее, нужно, прежде всего, много, бесконечно много, знать.

Вот почему так исключительно велика роль науки в нашей стране.

Уже к началу 1918 года относится гениальный набросок плана научно-технических работ Академии наук, собственноручно написанный В. И. Лениным. За истекшие тридцать лет научная работа возросла у нас, по сравнению с царской Россией, в гигантских размерах. Несколько дней тому назад геологи всей нашей страны торжественно отметили 85-летие со дня рождения знаменитого ученого, патриарха советской геологии академика В. А. Обручева. Во время чествования был отмечен разительный факт: когда в молодости Владимир Афанасьевич работал в Сибири, то он на всю Сибирь был единственным государственным геологом. А сейчас там геологов — многие сотни.

Наука у нас не только всемерно участвует в осуществлении народнохозяйственных планов. Мало-помалу у нас стала планироваться и сама научная деятельность. «Идея планирования в науке, — писал как-то академик С. И. Вавилов, — стала за последние десятки лет вполне привычной, естественной и необходимой для советского ученого». Всем известно, что наша Академия наук была основана в 1725 году, но мало кто знает, что только в 1930 году впервые в истории академии был составлен годовой план как отдельных ее учреждений, так и Академии в целом.

Новый политический и общественный строй создал у нас и новых людей.

По роду деятельности мне часто приходится встречаться с ведущими руководителями нашей промышленности. Это люди, которые конкретно знают, что делается на предприятиях, разбросанных по необ'ятной территории всей страны. Телефон, телеграф, радио, авиация позволяют им держать живую и постоянную связь даже с самыми отдаленными уголками. Они привыкли воспринимать хозяйственную жизнь колоссальной страны, как единое целое, видеть органическую связь руководимых ими предприятий с этим целым.

При встречах с руководителями политической, хозяйственной или научной жизни союзных республик всем существом ощущаешь, что морально-политическое единство многонационального советского народа стало реальнейшим фактом. Жизнь отдельных республик так же четко направляется планом, как и всего СССР.

Все это относится, в частности, и к науке. Нет в мире другой академии наук, работа которой была бы так кровно связана с запросами страны, как связана с ними Академия наук Союза Советских Социалистических Республик. Задачи и об'ем деятельности президента любой академии любой страны мира едва ли составляют и одну сотую той работы, которую ведет президент Академии наук СССР, замечательный деятель советской науки и культуры академик Сергей Иванович Вавилов. Это как бы символ науки в социалистическом государстве и обществе.

Техническая интеллигенция. Она стала совсем не та, что была прежде. Техническое и экономическое мышление инженера при капитализме в чрезвычайной степени ограничено узкими интересами предприятия, где он работает. Он принужден применяться к кругу своекорыстных интересов своих хозяев, и то, что выгодно хозяевам, становится мало-помалу законом его мышления. Частновладельческие отношения накладывают тяжелые цепи на творческую мысль инженера.

А у нас все реже встречаешь работника, который не живет интересами государства в целом. Техническое и экономическое мышление наших людей проникнуто, в первую очередь, интересами общества — это придает ему перспективность, размах и смелость.

Ощущение перспективы в равной мере характерно сегодня и для миллионов советских людей, и для всей политики нашего государства. И, конечно, источники этого небывалого в истории народов качества тесно связаны с плановым характером советского общества и с тем, что мощные рычаги находятся в руках народа.

Безмерно велико значение того факта, что с первых же дней советского строя у нас были национализированы все отрасли промышленности, вся земля отдана народу.

Полумеры здесь не могли бы помочь. Вот попробовали, например, лейбористские правители «национализировать» угольную промышленность, но она попрежнему топчется на одном месте. Это и понятно: отдельные участки хозяйства, якобы обобществленные, на самом деле остаются в окружении частновладельческих интересов и продолжают быть в полной от них зависимости. Там, где сохраняется самая основа капитализма, говорить о «социализации» отдельных отраслей хозяйства — значит компрометировать идею обобществления.

В советской же стране были сразу уничтожены межевые столбы частной собственности и частных интересов. Когда государство с его землей, недрами, предприятиями, источниками энергии, со всеми видами ценностей превратилось в единое монолитное целое, идея планирования получила материальную основу, и мы смогли целенаправленно строить свой завтрашний день.

В период сталинских пятилеток планирование стало основной организующей силой. С каждым годом оно все глубже проникает во все стороны нашей жизни.

Планирование обеспечивает нам ровный и плавный нарастающий ход развития нашего хозяйства. Оно в высшей степени благоприятно влияет на формирование сознания нашего народа, вселяя уверенность в завтрашнем дне. Там, где на месте разрушительных толчков и колебаний экономической стихии, выбрасывающих из хозяйственной жизни миллионы людей, выступает планомерная, гармоничная организация всех сил народа, там возникает новое, небывалое в истории чувство уверенности. Наше будущее является естественным и законным результатом высокоорганизованных усилий народа, руководимого коммунистической партией и вождем народов — товарищем Сталиным.

Как характерно, что именно теперь, когда вопли военной истерии оглашают страны капитализма, а заправилы Уолл-стрита называют наши годы не эпохой атомной энергии, а эпохой атомной бомбы, — в нашей стране начинаются работы по осуществлению грандиозного, рассчитанного на длинный ряд лет вперед, плана полезащитных лесонасаждений и других сельскохозяйственных мероприятий, предназначенных изменить климат страны.

Господа на Западе, те, кому это нужно и выгодно, вопят о войне, а мы устанавливаем, что будет нами сделано в 1950, в 1955, в 1965 году.

Мы смотрим на будущее со спокойной уверенностью.

ЖАБА

Леонид ЛЕОНОВ

Давно, лет тридцать тому назад, на бивах гражданской войны певали мы песню про паровоз, что стрелою летит в Коммуну. Таким словом обозначено в трудовом народе понятие о справедливом людском существованьи. Тогда эта конечная станция еще не была введена в действующий график всечеловеческого прогресса. Лишь предвиденьем Гения да суровой солдатской думкой она угадывалась за горизонтом... С тех пор, все набавляя ходу, мчится наш поезд, заправленный рукою великого машиниста. Даты убегают вспять, как верстовые столбы; их застилают другие, попеременно то слепя, то туманя взор блеском незнакомых просторов, печалью утрат, сверканьем очередной победы.

За время пути поприбавилось в нашей семье, прежде всего за счет молодежи. Поколение, рожденное в полете, оно поднялось незаметно, как всегда бывает с детьми. У вчерашних малюток уже есть о чём вспомнить на вечеринке и при этом горделиво погладить пробивающийся ус; по размаху дел, записанных в трудовой книжке комсомола, можно представить, какие свершенья разместятся на еще не заполненных страницах... Здорово, детки! Одни из вас рядом и вровень с отцами творят новую жизнь, другие уходят на окраины страны, где, на памяти тоже хорошей песни, еще недавно рыскали золотоискатели да каторжные сухари бренчали в котелке бродяги. Дерзкие и красивые, вы стоите перед лицом пустыни, радуясь богатырской дикости природы, которую вам предстоит покорить и обуздать. Так молодая кровь поминутно вливается в жилы народнохозяйственного организма. Все эти люди, старые и малые, поклялись одолеть любые материальные несчастья, унизительные для социалистического века. Многое им уже удалось сделать... и пусть не иссякнет никогда благородное нетерпение советских людей!

Впрочем, за границей имеются еще такие орлы мысли, утверждающие пользу человеческого страдания. Оное якобы просветляет мозги людям и помогает нагулять аппетит к радостям бытия. По их словам, потенциалу добра всегда сопутствует равновеликий потенциал зла. В войне они усматривают нечто вроде взбадривающего массажа, без которого человеку будто бы грозит опасность вскоре обратиться в обыкновенную свинью. (Хорош же этот мирок, где для общественного здоровья приходится периодически прикладывать к затылку такую пьявку, как Гитлер!). По ряду причин мы держимся другого мнения... Ладно бы, если бы свои теории они применяли не к народу, а к самим себе: пускай раскомаривают себя, как им глянется. Но за этой апологией страдания прячется подлая мыслишка о примирении человечества с якобы неизбежным злом. Таким образом, взамен сверкающего инструмента гнева, наравне с разумом, — отличающим человека от скотины, они всучивают ему для улучшения быта небогатый набор надежд, вздохов, мечтаний и молитв.

В отличие от прочих, советский человек не рассчитывает ни на чудо в образе наследства от богатой тети, ни на план Маршалла или заботливость иных высших сил. Он твердо выяснил, что каждый лишний грамм масла на его столе определяется лишь дополнительными количествами или качествами его личного труда. Поэтому мечтания его и носят глубоко земной оттенок. И хотя мечтаем мы все более крупными купюрами, чем на заре нашего государства, — не заводами и электростанциями, а целыми городами и даже краевыми производственными комплексами, — всякая, самая песенная наша мечта сбывается в положенные сроки. Причина в том, что и песня наша чертится на жесткой нотной линейке государственного плана... (Хочется верить, однако, что еще досрочно осуществится недавнее, необычайное даже у нас, как поэма, стройное, постановление правительства о полезащитных лесонасаждениях, где так умно, деловито и душевно сказано о сомкнувшихся кронах Зеленого Друга).

Если мне удалось доказать хоть частично, что мы хорошие и мирные люди, затеявшие строить большой, удобный, хотя, правда, небывалой формы и назначения дом, то я хочу заняться одним попутным и примечательным обстоятельством. Не будучи об'яснено в нашей статье, оно стало бы приводить в научное замешательство биологов последующего столетья. Имеется в виду наличие всяческих жаб, которых привлекает наша стройка... За минувшие тридцать с лишком лет их нашествия регулярно повторялись — с запада и востока, севера и юга. Мы повидали их под Вологдой и Читой, на Халхин-Голе и у Ленинграда, даже у ворот самой Москвы. В пороховой дымке можно было различить их резиновые лапки, как бы в улыбку растянутые рты и странную окраску цвета хаки. Вследствие того, что эти существа не только портили нам вид из окна, но и посильно стремились нагадить, приходилось бить их наотмашь чем придется... и наименее поврежденные убирались в свои норки, чтобы через некоторое время снова появиться у самого крыльца. (Не является ли скопление иностранных авиабаз вокруг Советского Союза новой разновидностью авиажаб, снова устремивших на нас упорно-созерцательные взоры?).

Вряд ли следует об'яснять это явление любопытством низших тварей к разумной деятельности человека. Нечто совсем иное светится в их черных, навыкате, очень недобрых глазах. А ведь, пожалуй, это просто ненависть, та ее особо жгучая степень, когда она сопровождается улыбкой. Больше того, это вполне осмысленная и, значит, человеческая ненависть. Следовательно, мы имеем дело с людьми, которым длительные корчи злобы придали столь своеобразную биологическую внешность...

Человека простодушного, именно это и повергает меня в недоумение. Казалось бы, смелые советские люди, создавшие удивительное государство, которое не стремится нажиться за счет соседа и где порознь не обогащается никто, посвятившие себя бескорыстной борьбе с человеческим страданьем и со всем, что его производит, достойны не только восхищенного удивления иностранцев или описания в звучных стихах, но и прямого сочувствия. Больше того, мне кажется даже, что как-то непристойно не подсобить герою в его беззаветной схватке с таким драконом. На месте Об'единенных Наций я бы даже почтительно просил подобное государство вывести человечество из такой глухой полночи мира... Но, значит, что-то препятствует людям принять это спасительное решение. Видимо, имеются среди двуногих такие гурманские создания, которым наруку человеческое горе, для которых слезы составляют лакомство. И если мы враги Зла, то они враги врагов Зла. Что же это за публика, — вот задача!

Не стану дожидаться, пока миллионный хор детских голосков подскажет мне ответ. Взрослые догадались еще раньше, что речь пойдет в осудительном смысле о так называемом старом мире. Но как раз в этой статье я не собираюсь ни обличать его столпов, ни бранить их за отсутствие дружественной честности к миру новому, ибо именно в отношении к революционной молодости должно было проявиться характерное для буржуазного общества волчье чувство озлобленного недоверия. Конечно, у старого мира есть причины дуться на мир завтрашний, который с румяными щеками идет ему на смену. А старику из собственного опыта известно, что ни один наследник не может вступить в права, не потрудившись в роли могильщика. И вообще-то неприятно умирать, а тут еще в последнее время в ряде бывших колониальных стран наследник шумно проявляет какое-то подозрительное нетерпение. На Вроцлавском конгрессе можно было наблюдать, какими печальными, вдовьими взорами представители арийско-банкирских империй взирали на осмелевших делегатов цветных наций, которых уже нельзя стало попридержать ни хлыстом, ни связкой бус, ни проникновенным миссионерским словом.

Начну с того, что ни один порядочный джентльмен не может без известной щекотки в душе жрать булку на глазах у голодного ребенка, машинально повторяющего его глотательные движения. Это вовсе не к тому, что в Соединенных Штатах булки стали привилегией миллиардеров. Не в том суть, что булок там пекут достаточно и при кое-каких общественных изменениях их хватило бы на всех. А в том суть, что самая система всего этого булкового механизма основана на создании все более обширного круга голодных ребенков. Обычно, когда берут что-либо даже у взрослого соседа втихую, без особого одобрительного энтузиазма с его стороны, то испытывают при этом если не стыд, но некое смущенье, свойственное и псу моему, Дозору, когда его укоряют в нехорошем обращеньи с зазевавшейся курицей. Не оттого ли и прячутся они от простых людей, все эти Меллоны и Дюпоны, временно исполняющие должность Кащея на земле...

Возможно, что, не побывав в жизни миллиардером, я допускаю какие-то промахи в изображеньи миллиардерской психологии. Откуда знать, не прячутся ли они от скромности или от сознания собственного ничтожества, как говорят закоренелые большевики. В самом деле, поставленные на такую высоту, владеющие стольким, **к т о** они? Какие благодеяния причинили они ближним? Может быть, усовершенствовали аспирин или изобрели электрическую мухобойку на радость домохозяек или облегчили всеобщие мозольные страдания человечества?.. Я не замахиваюсь на чужие законы, но у меня пытливая душа, и я почтительно прошу у сведущих лиц ответа на запросы, которые, так сказать, теснятся в моей груди. Кто дал им страшную власть растлевать слабейших из людей стремлением к легкой наживе, поить их многолетним настоем клеветы на нас и даже таить в замысле когда-нибудь вторично послать их на недавних соратников в великой битве, на первейших друзей, чтобы, — лежа по горло в грязи беспримерного униженья, — они стреляли в наши окна...

И вот я уже выкурил целую папироску, но нет мне ответа на вышеуказанный крик моей души: кто они такие, эти господа, норовящие взять за глотку человечество? Молчит провидение, молчит нарядный белый дом со столпами и самые столпы тоже молчат. Вообще нигде их не встретишь, ни в сенатском отчете, ни в стенограмме международной ассамблеи, ни в беглой репортерской строке. Они живут под защитой несгораемых стен, псовидных детективов и свирепых демократических законов о собственности. Наверно, на манер библейского божества, они не чаще раза в год являются в скинии, в Святая Святых, и тогда дипломатические и газетные трепачи бьют в оглушительные гонги (преимущественно о русских кознях), чтоб смертные не подслушали, какого рода инструкции верховный жрец белого дома получает от божества. Боги избегают показываться публично; лишь в случае необходимости лично раз'яснить свою волю людишкам они появляются, и то в переодетом виде. И как библейский небожитель вселялся для этой цели в оболочку прямолинейных, дубоватых пророков, так и эти располагают обширным гардеробом солидных сюртуков, римских тог, разной прозрачности туник, носящих странные наименования — даллесы и бирнсы, бевины и форрестолы. Так что никак не разберешь, как же выглядят в жизни истинные носители этих одежд: пузатенькие они, либо попостней, вроде дяди Сэма, или же наподобие мордатых гангстеров, как мы видим их в американских наглядных кинопособиях... Одни надеваются в праздники, другие в будни. Для особо торжественных случаев имеется специальная одежда со сверлящим названьем — черчилль. Она представляет собою просторную, пророческого типа хламиду с пеплом в рукавах для посыпания головы, с громами и молниями в потайных карманах, чем и отличается представитель божества от обыкновенного шумливого и надоедливого домового.

В частном быту эти земные владыки живут довольно скучно. Ночи их насыщены тревожными снами о революциях и стачках, дни отягчены хлопотами по вербовке ландскнехтов для будущих мокрых дел: предприятие трудное и разорительное. Во-первых, живы еще кое-какие бравые путешественники по России, а, во-вторых, каких там солдатушек наскребешь в бенилюксах! С помощью чековой книжки можно купить все, кроме Истории. И оттого, что морально эти люди очень уязвимы, пропадает и в их собственном теле уверенность, необходимая для большой драки. Все чаще одолевает страх перед Неизвестностью и всякой Новизной. Подстегнутое воображение рисует, что наследник уже бродит по дому, подходит к изголовью, склоняется, берет за руку, слушает прерывистый маятник пульса... Ах, нет, это только затянутый обшлаг сорочки давит в запястье. Тем хуже, значит, он придет завтра. Тем лучше, значит, есть время свалить его до рассвета... А прежде всего — расставить стражу из дюжих молодцов, предпочтительно высшего военного звания!.. И тотчас бывшие, переряженные в штатские платья, генералы и адмиралы устремляются в распахнутые двери государственного аппарата. Они облачаются в посольские мундиры, занимают канцелярские кресла, штурмом берут университетские кафедры: для фельдфебеля это сущая отрада — годок-другой походить в вольтерах. Видимо, рвутся они и во епископы; по слухам, уже имеется один, который лихо водит самолет и неплохо целит из маузера... Они уже вроде как бы коменданты страны. Один такой, генерал Икер, так и рванул недавно в Лос-Анжелосе: дескать, «в конгрессе заседают те самые старцы, которых в любой другой стране (подразумевается, видимо, прежняя Германия!) давно бы вышибли оттуда за слабоумие». Ого, это уже рык пополам с угрозой, шлепок по хозяйской лысине... но ничего, пускай, только бы не остаться одному в таких потемках. Эй, кто там! Надо выслать форпосты на Кубу, на Исландию... нет, все еще слишком близко. На Кипр, в триполитанский Мелах, под Лондон в Стамбул! Эх, хорошо бы для верности и под самые Фили такую же авиабазу! Как вы думаете, генерал... пожалуй не допустят, а?

Так рождалась жаба в Берлине, так она рождается сегодня в Вашингтоне.

Теперь мы знаем способ изготовления нормально действующей жабы по рецепту новейших парацельзов. Берется некоторое количество страха и к нему по весу примешивается ненависть. Затем в уже зеленоватое месиво сыпят вонючий кардамон нечистой старческой совести и, добавив по вкусу атомного самодовольства, подогревают на огоньке лицемерия и лжи. Готовые, еще полудохлые головастики поступают в газетные инкубаторы, и вскоре тысячи резвых тварей скачут по стране, лезут в неискушенные, простые души, и вот уже карабкаются на чистые, почти эллинского мрамора, ступени монумента Аврааму Линкольну, что стоит на Потомаке. Они взбираются все выше, и, такова ирония судьбы, мертвый гигант, потрясший рабовладельчество в своей стране, не может скинуть гадкую, еще не окрепшую жабёнку со своего плеча. Печальный пример дряхлости класса...

А ведь старуха История помнит, как всего полтора-два века назад молодой хищник упругой львиной походкой выходил на арену. Он тащил за собой дары, свои вступительные взносы на право жить — дешевые товары и машины, железные дороги и более демократическую цивилизацию... О, как ненавидели его тогда чопорные феодальные грымзы в париках и парчевых камзолах. Но свершается железный марксов закон, и уже не юноша, а одряхлевший, с облезлыми боками зверь смотрит на нас с почти дочитанной страницы. Все иссякло в нем — крылатые мечты, живительные идеи; осталась лишь тупая воля к прежнему владычеству. Он сидит в золотом кресле и вместо скипетра держит на коленях глупый продолговатый предмет — атомную бомбу. Другого подарка у него больше нет для человечества... Он сидит и думает, линялый Гамлет новейшего времени: «Кинуть или не кинуть, быть или не быть?»

Это означало бы смерть и для него самого, но умирающему, не накопившему мудрости за отпущенные сроки, всегда немножко хочется, чтоб самый свет затмился вместе с ним. По словам Диодора, ассирийский царь Сарданапал, когда приспело время, заперся в ниневийском дворце и спалил себя заживо вместе с телохранителями, женами и сокровищами... но утром солнце взошло как ни в чем не бывало. Если же у Диодора ничего нет о восходе солнца, это показывает, что историк не был философом. Умирающему старому миру все вокруг мнится в заговоре с коммунизмом. О, конечно, это московские большевики втянули Франклина Рузвельта в борьбу с фашизмом, уговорили короля Георга внести в парламент программу национализации британской сталелитейной промышленности, это они разбудили чувство голода у французских рабочих и чувство боли от кнута у индонезийских туземцев, — на зло ему, старому миру. Унылые желания чередой текут в его воображении... и не только в воображении! В этом отношении привлекает наше внимание недавний спич в Ландидно штатного льва британского империализма, старого знакомца и хлопотуна по пролитию русской крови, сэра Винстона Черчилля.

Потомок тех самых герцогов Мальборо, что известны у нас по сорту садовой малины да по знаменитой фривольной песенке «Мальбрук в поход собрался», он всю жизнь стремился на военном поприще оправдать свою фамильную репутацию. Так он служил в испанских войсках на Кубе, маршировал в Пенджабе и у Хартума, летал на буров с эскадроном королевиных гусар. В погоне за дополнительной славой он предпринял непосильную задачу сломить молодую рабоче-крестьянскую Россию; мои современники помнят его дикую затею с походом четырнадцати держав. То была самая крупная его неудача, считая Дарданеллы и Дюнкерк. В мировой схватке демократической коалиции с фашизмом он всемерно проявлял свои разнообразные дарования, и не его вина, что Советский Союз не только уцелел, но и вышел победителем из борьбы. То был четвертый промах, надломивший силы. В последние годы наступает перелом в здоровьи этого одаренного и неутомимого джентльмена, ясно обозначившийся в Фултоне. Он часто и без поводов машет руками и произносит разные такие слова. Он попеременно воображает себя то Катоном Старшим, твердящим при всех оказиях о необходимости разрушения советского Карфагена, то даже Питтом, хотя никто из моих сограждан не посягал на неприкосновенность Британских островов. Его посещают изнурительные и неестественные видения в образе волосатого коммунистического комиссара, который берет в плен Вестминстерское аббатство вместе с куполом, привратниками и со всеми могилами виднейших английских деятелей. Последний его припадок в Ландидно, где он науськивает атомщиков поскорее взорвать Сибирь, Туркестан, Тянь-Шань, Ангару с притоками, а также срочно починить Адольфа Гитлера, огорчил даже его коллег, хотя и комиссия по расследованию антиамериканской деятельности не заподозрила бы их в симпатии к коммунизму. Хочется отвернуться от грустного зрелища такого разрушения выдающейся личности, когда от Питта остается всего пол-питта, да и то в каком виде! — когда старый человек, фигурально говоря, в исподниках и с разнузданными криками «вот я их, вот я их!» выскакивает в освещенный солнышком мир божий, чтобы постращать публику страхами маньякального происхождения. Следует упрекнуть ближних его в нерадивом присмотре за беднягой Винстоном.

Вот судьба любого хищника, будь то человек или класс, государство или просто лев, вышедший из употребления. Он лежит в своем логове на груде костей, наломанных в пору молодости, и вспоминает былую, напрасную славу. Он пробует рыкать, но даже дети мира не пугаются, занятые своим песочком. Слеза бессилия и ненависти родится в его глазнице, усеянной мошками, которые тоже его не боятся. Жизнь уходит куда-то во мглистое облако. Теперь все годится в пищу его уму — и слух, и шорох, и просто сплетня. Значит, это правда, что львы в старости едят что придется — траву и даже мышей.

Я занял внимание терпеливого и доверчивого читателя затем, чтобы на беглом примере проследить превращение льва в жабу.

Этот снимок был опубликован в газете «Нью-Йорк Стар». Парижская полиция расправляется с мирной демонстрацией рабочих, протестующих против предательской политики продажного французского правительства. На плакатах надписи: «Долой план Маршалла» и «Все, как один, об'единяйтесь на борьбу». В кровавой схватке полиция ранила свыше 300 рабочих.

Павел АНТОКОЛЬСКИЙ

Борьба продолжается

Горняки Франции бастуют. Около месяца длится их безупречная по мужеству, выдержке и организованности борьба. В ней участвуют триста пятьдесят тысяч человек.

Борьба горняков тяжела. Им приходится выдерживать наступление всей полицейской машины Анри Кэя и Жюля Мока. Против них двинули танки и броневики. Их травят слезоточивыми газами. Шахтные дворы оцеплены отрядами охранников и специально натренированных молодчиков из так называемых «республиканских отрядов безопасности», организованных по гиммлеровскому образцу. Африканские войска, одурманенные абсентом, авиация, пулеметы, резиновые дубинки и помои клеветы на газетных столбцах и по радио — все пущено в ход, чтобы сокрушить героев, раздавить их сопротивление, запугать их, дезорганизовать.

Черные силы реакции пытались и пытаются расколоть единство бастующих. Арестованных рабочих подвергают издевательству и мучениям, которые, по словам «Юманите», «могут быть сравнимы только со зверствами отрядов СС».

Подавление забастовки стоит правительству огромных средств. Военные операции в одном только департаменте Гар обошлись стране в миллиард франков. Подлый парадокс капитализма заключается в том, что этого миллиарда с лихвой хватило бы на удовлетворение нужд французских горняков в течение двух месяцев.

Но государство Кэя и Мока не останавливается перед затратами. Чтобы сломить волю рабочих, хороши все средства. Бешеным деньгам сопутствует бешеная злоба. Социал-фашистское правительство тщится смести со своего пути каждого, кто осмеливается поднять голос в защиту рабочих. Мэр города Фирмини — Комб, выступавший с протестом против расстрела горняков, на месяц отстранен от своих обязанностей. Мэр города Нантерр — Барбье смещен с поста за опубликование листовки, призывающей население к солидарности с бастующими. Поэт Луи Арагон привлечен к суду за опубликование в редактируемой им газете «Се суар» сведений об участии африканских войск в операциях против бастующих.

Между тем, силы солидарности, поддерживающие борьбу рабочих угольной промышленности, поистине неисчерпаемы. Волны народного гнева бушуют по всей Франции в защиту требований горняков. Семь миллионов франков собрали для них металлурги одного лишь Парижа. Два с половиной миллиона — служащие коммунальных предприятий. Художник Пикассо внес в фонд помощи один миллион франков. В семьях трудящихся Парижа нашли тепло и ласку две тысячи детей горняков.

Но не только добрые сердца простых людей, не только их трудовые гроши помогают горнякам в черный и суровый час. Забастовки солидарности происходят во всех концах страны. В портах рабочие прекратили разгрузку судов с углем. Железнодорожники отказываются перевозить составы с углем. Шоферы, вопреки репрессиям правительства, вывозят на автобусах детей бастующих из районов действий карателей Жюля Мока. Население принимает участие в обороне шахт, в защите горняков от вооруженных до зубов полицейских и охранников. В похоронах шахтера Барбье, убитого в схватке с «республиканскими отрядами безопасности», приняло участие тридцать тысяч трудящихся города Фирмини и окрестностей.

Эта борьба — неравная. Она полна примеров беззаветного героизма. В течение четырех часов пикет шахты «Барруа» численностью в тридцать один человек сдерживал атаку трех тысяч охранников. Тридцать против трех тысяч. Один против ста! После четырех часов атаки и бесполезных переговоров полицейские и солдаты вынуждены были отступить, очистить шахтный двор, и только тогда защитники баррикады покинули ее с пеньем «Марсельезы» и прошли с профсоюзным знаменем среди расступившихся солдат.

При этом самое характерное в том, что бастующие, безоружные и беззащитные перед танками и пулеметами Мока, зорко стоят на защите народного достояния, своего угля, своего шахтного оборудования. При этом самое подлое в том, что правительство утверждает, будто полицейские только затем и присланы, чтобы осуществлять эту охрану. Это, как и многое другое, есть грубая ложь и клевета, которые должны опорочить бастующих в глазах людей, читающих газеты и слушающих радио.

Что же происходит во Франции, в стране, славной своими революционными традициями?

Несколько дней назад в огромном зале зимнего велодрома в Париже состоялся женский митинг, прошедший под лозунгом «За мир, за демократию». Вот что сказала выступавшая на этом митинге Жаннет Вермерш.

— Мир не выгоден империалистам, и народы знают это на своем опыте... Освобожденные вишисты перегруппировывают свои силы, чтобы заставить бедных платить и подчинить нашу страну американскому империализму. Народ сгибается под тяжестью налогов, рабочие и их дети голодают. Но правительство и его хозяева пытаются заставить народ оплатить не только расходы, связанные с последней войной, но и расходы подготовляемой ими новой войны, осуществляя раскол Германии, создавая «европейскую армию» и ассигнуя 450 миллиардов франков на военные расходы...

Это говорила простая парижанка, и, пожалуй, лучшего об'яснения того, что происходит во Франции, и не требуется.

Войну пытаются развязать американские рыцари доллара. Войну пытаются развязать европейские подголоски Вашингтона — моки, кэи, бевины, де гаспери, шумахеры и прочие. Им нужно потуже затянуть железную петлю на шее своего рабочего, загнать горняка поглубже и попрочнее в землю, оградить металлурга стеной штыков и танков, им же созданных, затуманить мозг каменщика, обречь его детишек на вымирание и истощение, запугать его жену призраком «красной опасности», расколоть и дезорганизовать рабочий класс, справиться возможно скорее с его руководителями по-одиночке, запереть их в тюрьмы и послать на каторгу.

Знакомая, очень старая история. Так пришел к власти Гитлер. Так надеется удержать власть Уолл-стрит.

Но о том, что произойдет и не может не произойти, несколько дней тому назад всему миру сказал Сталин: «Слишком живы в памяти народов ужасы недавней войны и слишком велики общественные силы, стоящие за мир, чтобы ученики Черчилля по агрессии могли их одолеть и повернуть в сторону новой войны».

Вот почему простые люди всего мира смотрят с таким сочувствием на героическую схватку французских рабочих с черными силами реакции и угнетения.

Там, во Франции, на шахтных дворах, идет борьба за судьбы будущего поколения, — точно так же, как идет эта борьба сегодня на Пелопоннесе или на полях Китая, повсюду, где простые люди мира отстаивают свое право на труд и на самую жизнь.

ФАКТЫ БЕЗ КОММЕНТАРИЕВ

«ОБМАН»

Потеряв всякую надежду найти работу, двадцатилетняя девушка в Киле (английская зона оккупации Германии) переоделась мужчиной. Это помогло, и девушка получила работу шахтера в Руре. Счастье ее, однако, продолжалось недолго: через четыре месяца медицинский осмотр разоблачил ее «обман». Суд приговорил девушку к трем месяцам тюрьмы.

ПРЕУСПЕВАЮЩЕЕ СЕМЕЙСТВО МУССОЛИНИ

Вдову Муссолини спросили, не хочет ли она переехать в Америку, но та ответила, что совсем неплохо чувствует себя и в Италии. Она получает от правительства де Гаспери ежемесячную пенсию в 20 тысяч лир и продуктовые посылки, которые регулярно прибывают в ее адрес из США и Латинской Америки.

В НЕСКОЛЬКО СТРОК

◆ Вследствие высоких цен на бумагу и полицейских преследований прогрессивных издательств в Бэйпине (Китай) закрылось много издательств и книжных магазинов. Книгоиздательское дело пришло в полный упадок. («Дагуньбао»).

◆ В странах Западной Европы 300.000 студентов были вынуждены в последнее время бросить учение вследствие общего ухудшения экономического положения масс. («Нейес Дейчланд»).

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ.

Редакционная коллегия: Н. АТАРОВ, А. БАУЛИН, Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕЙЧУК, О. КУРГАНОВ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТИН, Н. ПОГОДИН, А. ТВАРДОВСКИЙ, Л. ШАУМЯН.

«Литературная газета» выходит два раза в неделю: по средам и субботам.

Адрес редакции и издательства: ул. 25 Октября, 19 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 5-10-40, отделы: литературы и искусства — К 4-76-02, внутренней жизни — К 3-37-34, международной жизни — К 4-64-61, науки и техники — К 4-60-02, информации — К 3-19-30, отдел писем — К 0-62-91, издательство — К 4-28-63.

Типография имени И. И. Скворцова-Степанова, Москва, Пушкинская площадь, 5.

Б—02693.